

83
Т.98

ТЮМЕНЬ Литературная

Газета русской
литературы и культуры

RUSSIA № 3 (127) 2016 г. TYUMEN

Первый номер
вышел в июле 1972 г.

Под крылом самолета город Нижневартовск

Фото Павла Плюхина

В номере опубликованы стихи и проза
нижневартовских литераторов

Покорителям Самоглора

Общественный совет:

**Т.Н. Трунилова, А.С. Рахвалов, В. И. Захарченко, В. К. Гейн,
Л.П. Третьяков, Ю.П. Перминов, В.Т. Рябков, В. В. Худякова,
Х.Ч. Алишина, С. А. Курков, О.П. Константинов, А.В. Шевцов,
В.М. Тархова (Венесуэла), Ю.А. Филиппов, М. Г. Александрова,
А.П. Изумнов, Т.И. Воинский, В.Т. Фомичев, С. А. Еремин**

Муниципальное автономное учреждение
культуры города Тюмени
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883

Центральная городская библиотека

*Отдел комплектования
и технической работы документов*
г. Тюмень, ул. Елизарова, 76/3

«РАБОТАЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ!»

Газета-журнал «Тюмень литературная» не впервые так обширно печатает литераторов Нижневартовска. С главным редактором «ТЛ» Николаем Денисовым у нас давняя дружба. Николай Васильевич – участник первых литературных десантов на Саяногорск, приезжал в Нижневартовск много раз, видел, как рос и развивался наш город. А еще нижневартовцы были героями его замечательных стихотворных произведений.

Расскажу о них, о земляках-нижневартовцах, что сегодня вновь представлены в авторитетной писательской газете. Первый профессиональный писатель, с которым я познакомилась у нас, был Николай Павлович Смирнов. Основатель «Содружества», он в 1998 году собирал произведения нижневартовцев для книги «Меня по свету молодость носила». Пригласил меня на беседу, а на полях моей рукописи написал: «Почти член Союза писателей».

Как я была смущена! Несколько недель не показывалась затем в литобъединении «Замысел», где тогда общались наши поэты и прозаики. А во время беседы с Николаем Павловичем я почему-то стала возражать и доказывать «своё». Вежливо, но уверенно. А Николай Павлович считал, что творчество присутствует в каждом. Надо только помочь его разбудить. Мне потом постоянно говорил: «Марина! Пиши, печатайся, работай каждый день». Бывал и вспыльчив, и даже груб. Холерик по темпераменту, увлечённый – это мягко сказано. Он горел творчеством и работой над книгами, общением с персонажами и молодыми литераторами и ждал этого от других.

Второй тогда для меня «маститый писатель» – Маргарита Кузьминична Анисимкова. «Боярыня» называли ее «замысловцы», посвящали ей стихи.

Маргарита Кузьминична и Николай Павлович к тому времени успели несколько раз хорошо «поспорить», но я общалась с их согласия, с обоими.

Ещё один писатель, к которому я отношусь очень трепетно: педагог с огромным добрым чутким сердцем – Владимир Алексеевич Мазин, ныне живущий в городе Саранске. Я удостоверяю, что слушатели огромных залов были заморожены, когда Владимир Алексеевич читал Блока. Великолепно читал он стихи собственные и классику. Владимир Алексеевич не теряет связи с Нижневартовском и «Содружеством». Я уже несколько раз и лично, и в газете «Литературный Нижневартовск», и с других трибун говорила слова благодарности за поучительные беседы с Владимиром Алексеевичем (в основном по телефону)... Интересное ненавязчивое обучение. Иногда мэтр отправлял меня к справочникам и первоисточникам. Иногда слушал мои стихи. Я прочитывала все его книги и статьи. Надеюсь, творческая симпатия была взаимной. В большинстве случаев у авторов срывается творческая «самозащита» – не поддаваться чужому влиянию, поменьше общаться. Но без общения нельзя. На моём первом литературном семинаре в Ханты-Мансийске московский поэт Парпара Анатолий Анатольевич сказал мне: «Марина, прочитай переписку Пушкина с Вяземским. Это было общение всю жизнь».

В Нижневартовске писательское общение началось для меня в 1997 году с литературного объединения «Замысел». Руководил им тогда Игорь Викторович Кириллов. Кириллов-Северский. Он уважительно и грамотно организовал общение, даже выслушивать критику было интересно. Жизнь распорядилась так, что жил в Нижневартовске Игорь Викторович не очень долго, но дружбу с ним мне удалось сохранить до сегодняшнего дня.

Даутбеков Амирсеит Бекмурзаевич. Нижневартовский Пришвин. Это он вместе с Николаем Павловичем был отцом-основателем «Содружества писателей Нижневартовска». И сегодня нижневартовцы, и дети, и взрослые, изучают

историю казахского рода Кусирак, написанную грамотным художественным словом, читают лиричную прозу о природе родной Югры и о далёком Казахстане.

Огромную помощь в создании «Содружества писателей Нижневартовска» оказал Николай Степанович Лысейко, поэт, ныне живущий в Тюмени.

Не хочется забывать Нину Николаевну Зинченко. Писала Нина Николаевна о вещах привычных и экзотических. Умело создавала загадки и интриги. Изучала фольклор и традиции хантов и манси.

Валентин Петрович Овсянников-Заярский. Когда я с ним познакомилась, ему было за 70 лет. Но и в 82 года поражают его ум, энергия и принципиальность. Валентин Петрович ведёт большую писательскую и общественную работу.

Также один из продуктивных и ярких – Акимов Валерий Юрьевич. Мой коллега и друг – мы работали в центральной лаборатории Нижневартовского нефтеперерабатывающего объединения. Я лаборантом, а Валерий Юрьевич машинистом-испытателем моторных топлив. Более 20 лет. Валерий Юрьевич к тому же бард и прекрасный декламатор своих стихов.

Роза Арслановна Салах. Мой старший товарищ, помощница и по-отечески покровительствующий мне человек.

Журавлёва Лидия Яковлевна. Журавушка. Её поэзия естественно проста, элегантна и правдива. Лидия Яковлевна – навигатор «Содружества» в океане Интернета.

Светлана Рамазанова. Поэт и бард. Яркая и увлекающаяся. Честная и трудолюбивая. Полагаю, её ждёт хорошее поэтическое будущее.

Екатерина Володина. Мы почти одновременно пришли в литобъединение «Замысел». Вместе впервые поехали на литературный семинар в Ханты-Мансийск, прошли испытание профессиональной критикой... Сейчас Екатерина переехала в Тюмень. Но осталась Почётным членом «Содружества писателей Нижневартовска».

В «Содружестве» происходит много интересных событий и мероприятий. Назову наиболее значительные. Это литературная учеба. Все писатели периодически готовят обсуждения по прозе и поэзии, публицистике и декламации. Александр Бормотов проводит с нами занятия по работе на сцене и взаимодействию с аудиторией. Проведено несколько семинаров регионального уровня с приглашением писателей из Тюмени, Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Советского и других городов. В городе не единожды проходили «Дни российской литературы» и литературные конференции АСПУР. Членство в этой организации даёт нам возможность находиться в огромном литературном пространстве великого живого русского слова, узнавать настоящую литературу, развивать наших авторов, постоянно видеть перед собой высокую планку профессиональной работы.

Мы любим принимать гостей и сами ездим в гости с литературными десантами: в Тюмень, Тобольск, Сургут, Ханты-Мансийск, Мегион, Варь-Ёган...

Проведены конкурсы для детей и юношества памяти Н.П. Смирнова и «Спасибо деду за Победу!» Издано несколько номеров газеты «Литературный Нижневартовск». Принимаем участие в издании городских, региональных и всероссийских сборниках разного уровня и направленности: и массовых, и профессиональных. Наши авторы регулярно выпускают в печать собственные книги. Мы проводим работу по их популяризации. Постоянно принимаем участие в городских тематических мероприятиях, участвуем в конкурсах, проводим литературные гостиные. Словом, живем активной литературной жизнью.

Марина Александрова,
руководитель некоммерческого партнерства
«Содружество писателей Нижневартовска»

Тюмень литературная

«ГОРЕЛ КОСТЕР СРЕДИ СУГРОБОВ...»

БЕРЕЗЫ В СНЕГУ

Вдруг меня поманили
Березы в снегу.
И загадочный кедр,
Отливающий синью.
И почувствовал я –
Что без них не смогу.
От того и уехал
На Север России.
Где-то степи остались
В зазывном цвету.
В озорных переливах
Гортанных и гордых.
И оставил я ту,
Ту, которую очень люблю,
Чтобы строить лобастый
И кражистый город.
Чтоб себя самого
Испытать на излом.
Ведь от этого люди
Становятся крепче.
И увидеть, как в домнах
Полярных ветров.
Отливают мужские
Упрямые плечи.
Вдруг меня поманили
Березы в снегу.
Край далекий, зовущий
Померяться силой.
И почувствовал я –
Без него не смогу.
От того и уехал
На Север России.

В ТУ НОЧЬ...

В ту ночь, мы не смыкая глаз,
Курили, спорили, ругались.
Мы пили крепкий чай
И нас
Псы мохноногие боялись.
Они, прищуривая глаз,
С ворчанием
Глухим и злобным,
В упор рассматривали нас,
Горел костер среди сугробов.
Мы вспоминали как вчера
Надсадно взвыли трактора,
Как приподнявшись над землей
Плыла, подрагивая, вышка,
А наш прораб –
на вид мальчишка,
Ордой командовал стальной.
С утра он жадно, из ведра,
Пил долго воду ледяную,
Копну волос его седую
Терзали дерзкие ветра...
Затем прошла команда «Стоп»!
Троса, как нервы, натянулись,
Носами трактора уткнулись
В гигантский ледяной сугроб.
Сбывалось все, о чем вчера
Мы даже думать вслух боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.
Но показался наш «КАМАЗ»,
Путь, освещая ближним светом.
И стало ясно, что к рассвету
В поселок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете – телеграмма.
И текст, как выстрел от бедра!
Болею и скучаю – мама.

ГОРОД

Город оделил людей работой.
Каждому по ломтю с каравая.
Нашим домом хлебом и заботой
Северная стала буровая.
Мы шивались долго, тяжело.

Кто не приживался, уходили.
Их не вспоминали.
Их забыли.
Быстро, основательно и зло.
Вспоминались голодно и трудно
Дом, любимые.
Кипение садов.
Улицы родимых городов.
Всё глушилось
Пьянством беспробудным...
Помогло ли?
Нет, не помогло.
Наш бессменный мастер
Матом русским
С хрустом изгонял из нас похмелье.
И сменялось утром
Накипь грусти
Озорным отчаянным весельем.
Было всяко.
Рокот первых вахт.
Бешеных часов ревуший ритм,
Пот в глазах, а иней на бровях
Буду помнить
Сколько буду жить.
Как в треклятый каторжный мороз
Лопнул трос,
и накренилась вышка.
Был аврал.
Партком чинил разнос,
Важная срывалась передвижка.
Как помбур
с площадки верховой
На ремнях спускался
по растяжке,
Как взлетали трубы над тобой...
Вспоминать и то такое
Тяжко.
Но не только это помним мы.
Помним мы и радостные дни.
Память непременно сохранит
Нашей дружбы северной
Гранит.
И фонтанов мощное рычанье.
Кладовых подземных глубину
Мы взрывали,
Чтобы их дыханьем

Отогреть продрогшую
Страну.
Это было больше чем открытие,
Радости прозрения хлебнув,
Шли мы после вахты –
Все великие!
Подняв головы и плечи
Развернув.

РЮКЗАК

Что с него взять, с рюкзака?
Он – рюкзак.
Верный и старый служака.
Выпить бывает порой,
Не дурак.
Но не подводит, однако.
В лютую стужу,
В полуденный зной
Держится цепко за ляжки.
Нас согревает, дружище,
С тобой
В ночь на холодной стоянке.
Сколько же внутренней
В нём доброты.
Сколько в нём скромности
Внешней.
Сколько домашней хранит
Теплоты
Этот бродяга сердечный.
Он истрепался в скитаньях,
Устал.
Жаждет затихнуть за
Печью.
Только не скоро
желанный финал,
Снова заброшен за плечи.
Снова безропотно носит
В себе
Спички, патроны, консервы.
Тих и покорен нелёжкой судьбе.
Зря не расходует нервы.
Где-нибудь там,
Возле самого дна,
Спрятан большой самородок.
Будто предвестник великого дня,
Сам себе чудо природы.
Любит хозяин
свой верный рюкзак,
Часто добром поминает.
Крепко пакует и эдак и так,
Только вот не награждает.
Орден не светит ему, старику.
В должности не повышают.
Да и по выслуге лет рюкзаку

Пенсии не обещают.
Честно же верой и правдой
служил.
В дальних изорван маршрутах.
Песню геолог ему посвятил.
Вот она – славы минута.
Часто бывает – рассеется мрак.
Сам он с рассветом проснётся.
Думает: вот, что с того,
что рюкзак?
Ведь по делам воздаётся.
Может быть, и воздадут
по делам.
Может быть, даже до смерти,
Только не здесь, и ни мне
и ни вам,
И не ему, уж поверьте.

КАК ДОЛГО...

Как долго мы с тобой живем?
День, а, возможно, век?
Мы коротаем ночь вдвоем,
Мой нежный человек.
Люблю я на тебя смотреть,
Когда ты сладко спишь.
Цикады начинают петь,
Пронзив ночную тишь.
Беспечно плещется волна
О вековой валун.
А ночь свежа и молода,
А месяц пьян и юн.
Он бросил
Еле видный след
На тусклую волну.
Вот так ложится первый снег
На стылую стерню.
Я тороплюсь тебя обнять,
Укрыть и обогреть.
Но всех мгновений не собрать.
За всеми не успеть.
Чуть зазевался,
Холодок
Меж нами властно лег.
Наш милый, теплый огонек
Зачах и занемог.
И дней тяжелых кандалы
Запястья наши трут,
А прозевали мы всего
Лишь несколько минут.
Так нужно ли тогда считать,
Мой нежный человек,
Живем мы год, а может, два,
А может, целый век?
Мгновеньем надо дорожить,

В нем спрятаны века.
И пусть слеза не задрожит
У милой на щеках.
И будет легким долгий путь
Секунд беззвучен бег.
Люблю я на тебя смотреть,
Мой нежный человек.

ТИШИНА

Безветренно, морозно, тишина.
Туман на снег ложится пеленою.
Над крышами дымок,
А под трубою
Дрова в печи трещат,
и печь красна.
Простое и уютное жильё.
Здесь пахнет хлебом, тмином
и сосною.
Здесь всё давно течёт
само собою,
Никто не помнит –
кем заведено.
Я постучусь в заветное окно.
Хозяева меня, конечно, впустят.
Я встречу утро новое без грусти.
Никто не помнит –
кем заведено.
Здесь каждый новый гость,
Как Новый год.
А Новый год встречают
хлебом-солью.
Поделишься здесь радостью
и болью.
Никто не помнит –
кем заведено.
И будет дальше путнику легко.
Дорога в радость,
а удача рядом.
Здесь провожают
только добрым взглядом.
Никто не помнит –
кем заведено.

О ЧЕЛОВЕКЕ ЗЕМНОМ

...И он, Николай Павлович Смирнов, такой же, как все, многие, совсем земной: обидчивый, взрывной, мог вспылить, отругать другого за то, что не выполнил его поручения, подвёл (о предательстве и лжи не может быть и речи – он такое презирал, не прощал), в то же время обиделся быстро забывал, шутил, извинялся: – Алло! Здравствуй! Как ты? Пожалуйста, извини меня, я вчера был не прав. Это я сгоряча. – Здравствуйте! Хорошо, да и я не права. – Я ругаюсь, кричу. Почему всегда молчишь? – А что? В ответ мне тоже кричать? – Верно. Кричать не надо. Тогда я трубку брошу. Следующее заседание проведём у Ломакиной дома. – Почему не в центральной библиотеке? Я к ней не пойду. – Все пойдут, а ты нет. Почему? Что, ты особенная? – Потому! Особенная, неособенная. Не пойду, и всё! – Они вот здрём отмечают день рождения, а тебя не пригласят. – Пусть! Я сама к ним не хочу. – Я вначале думал, что ты простушка. Не-е-ет! С тобой сложно. В общем, Мергасиму с тобой повезло. Передо мной лежит твоя книга, в молодости от парней отбоя не было, и волосы были густые. – Не знаю, кому повезло – не повезло. В молодости все красивые. – Ладно, не обижайся. Полищук к себе приглашает. – Очередную квартиру получил? В прошлый раз на его новоселье я триста рублей вложила. – Не придирайся к нему. Он болен. В больницу его кладут, как ветерана войны, в отдельную палату, и для него особый уход. Скоро новую книгу издаст. И деньги на книги находит. Олег Нам ему выделил двести тысяч рублей. Понимаешь? – Вы снова ему предисловие пишете? Ни одного дня не воевал. Призвали-то его на Дальний Восток где-то в конце войны. Просидел сутки – и война с Японией закончилась. В больницу к нему больше не пойду. Один раз его навестила и баста. – Больных надо навещать. Ты вчера в центральной библиотеке за Уваровым гонялась. Сдвинула с места Шуганова. Что это? Молодость вспомнила? – Ничего – это как? Плохо или хорошо? – Бегай! Неплохо. – А Вы ругались с Татьяной Алексеевной. Почему? – За что она меня ущипнула? Чтобы не расхотаться, я ладошкой рот свой крепко зажала. Молчу. – Что молчишь? Говори. – Повода ругаться, я думаю, не было. Она вообще библиотеку покинула. Встала со своего места и ушла. Конечно, обиделась...

Через две недели я позвонила Татьяне Алексеевне и пригласила её на следующее занятие творческой студии «Самотлор». – Татьяна Алексеевна, здравствуйте! Завтра, в субботу, собираемся в центральной библиотеке. Приходите обязательно. – Простите, не приду. Меня Николай Павлович Смирнов выгнал. – Да он уже об этом забыл. Приходите. – Мне нравится коллектив «Содружества». А он там будет присутствовать? – Николай Павлович всегда присутствует. А Вы не обращайтесь на него внимания, садьте не рядом с ним, как обычно, а чуть подальше от него. Принесите свои новые стихи. Ваши стихи семейные, добрые, слушать их приятно. Почитаете. Ждём Вас, Татьяна Алексеевна.

В центральную библиотеку Татьяна Алексеевна пришла, незаметно вошла в конференц-зал, села за стол, но не рядом с Николаем Павловичем, а чуть подальше от него. Тот сразу заметил её, взглянул, улыбнулся, поздоровался со всеми и приступил к делу: сообщил, что нового в литературной жизни, по порядку рассказал о планах на будущее. Он в приподнятом рабочем настроении. Как тонкий психолог Николай Смирнов видит, слышит, советует, учит каждого, несмотря на возраст, профессию любителя слова, – по принципу: «И пусть эти строки неумелы, примерочны, дорогу осилит идущий. Шли к Смирнову в «Содружество писателей Нижневартовска» врачи и учителя, строители, нефтяники, школьники, студенты, пенсионеры. Это его, Николая Смирнова, заслуга, что деятельность организации выходила далеко за пределы города и округа. По инициативе Николая Смирнова в Нижневартовске прошли Дни российской литературы. Нижневартовск посетили писатели Москвы, Тюмени, Ханты-Мансийска, Якутии, Кемерово, Екатеринбург, Волгограда, Челябинска, Санкт-Петербурга. Главным приобретением подобного рода мероприятий, считал Николай Смирнов, являются встречи, знакомства, озарения.

Да, Николай Смирнов был человеком обыкновенным: заводил дружбу, «набирался свежих впечатлений», «примерял себя самого на фоне людей более высоких рангов и почтений», любил и был любимым, спорил, искал правды. Находил её, терял. В то же время он был особенным, не похожим на других. Жил и творил как Личность, Человек земной.

ЮНАЯ ЛЕДИ

Фамилия её Лихая, сама она вовсе не такая – застенчивая, обидчивая, ранимая. Да ещё как ранимая! Но гордая, защиты искать не будет. Ни в какую! Борьба с обидчиком тоже не будет. Вот она, Светлана Лихая, студентка четвёртого курса Тобольского педагогического института, пришла в соседнюю с домом школу на практику. Девушка с большими, выразительными, открытыми серыми глазами, с красивыми ямочками на щеках, невысокого роста, в кабинете директора школы №24 Кошурникова Бориса Фёдоровича. – Значит, Светлана Анатольевна? К нам в железнодорожную школу на практику, на целый месяц, значит. Что ж, добро пожаловать! Школа наша новая, открылись только в прошлом, 1986 году, первый учебный год. – Я знаю, что школа новая. Зовите меня просто Светланой Лихой. Никто меня по имени, отчеству не зовёт. – Теперь будут звать. Учителя, ученики. А где живёте? – прищурив глаза, окинув взглядом с головы до ног ещё совсем не опытную, юную девушку, одновременно изучая документы студентки, спросил директор. – Живу рядом со школой, напротив железнодорожного вокзала. – Это хорошо! Каждый день и даже ночью слышите гудки прибывающих и отъезжающих от нас поездов? Они вам не мешают? – хитро улыбаясь, спросил Борис Фёдорович. – Привыкли к гудкам. Даже нравятся. – А семья ваша большая? – Нет. Я живу с мамой и бабушкой. Отца нет. Он давно погиб, мне тогда было восемь лет. Он был лётчиком, военнослужащим, даже в лётном училище преподавал. Мало помню, мама много рассказывает о нём. – Ничего. Мама сильная, воспитывает дочь одна. Значит, хорошая, достойная дочь своей матери. Сейчас, – набирая номер телефона, директор школы Борис Фёдорович обращается к своему заместителю, – Эмилия Михайловна, пожалуйста ко мне в кабинет. Передо мной стоит милая девушка. Я её принял на практику. Передаю Вам, распорядитесь. Русский язык и литература. К сильному, опытному учителю надо бы её. Девчонка-то хорошая, очень уж скромная. Обижать такую нельзя. Учить её надо, нашему мастерству учить.

...Первый самостоятельный урок практикантки Светланы Анатольевны. Она очень волнуется – три дня над планом урока сидела, обдумывала каждый этап урока, каждую деталь, как учили в пединституте, записала имена и фамилии учеников по партам, хотя она многих уже запомнила. План Светлана ещё вчера хотела показать руководителю педагогической практики Марине Петровне, но она быстренько пробежалась глазами по листу, заявляя: – Планы писать будете сами, читайте методическую литературу, этому учат в институте. Мне, например, никто не помогал. Учительница русского языка и литературы Марина Петровна, гордая, самоуверенная, молодая женщина, ещё раз взглянула на исписанный лист студентки, представив её учащимся, объявила: – Я сяду за последнюю парту, но через минут десять уйду, ведите урок без меня, тема лёгкая – «- тся и - ться в глаголах», разберётесь – завуч к себе вызывает. Марина Петровна покинула класс ровно через десять минут... Пятиклассники почувствовали в молоденькой практикантке слабость и позволили некоторую вольность. – Светлана Анатольевна, Вы моя соседка. Мы с Вами живём в одном подъезде. Знаете? Будете мне пятёрки ставить! Будете мне помогать! Хорошо? – С места выкрикивать не надо. Конечно, буду помогать, – успела только ответить – пятиклассники зашумели, загалдели, кто-то встал, бросил соседу бумажный самолётик. – Ребята, прекратите шум, успокойтесь! С домашним заданием справились все. Молодцы. Тема сегодняшнего урока записана на доске, откройте учебники, страницу... – и в класс вбегает Марина Петровна. – Что? Что за шум? Нельзя на минуту вас оставить! Светлана Анатольевна, что случилось? На следующий день Светлана Анатольевна, расстроенная первым несостоявшимся уроком, посоветовавшись с мамой и бабушкой, за помощью обратилась к завучу школы. Видит: в кабинете за одним столом сидят две женщины, одну из них, Эмилию Михайловну, она уже знает. Это она порекомендовала и повела её к Марине Петровне, представила как практикантку. – Здравствуйте! Эмилия Михайловна, как мне кажется, я не справилась с первым уроком, за него я получила неудовлетворительную оценку. Дети в классе шумят, нет дисциплины. Помогите, не умею... – Это Марина Петровна такую оценку дала? – спросила завуч. – Нет, я сама себе такую оценку поставила. Не получается у меня. – Сейчас Марину Петровну пригласим, до конца перерыва ещё семь минут. Выясним, разберёмся. Выяснили,

быстро разобрались: Марина Петровна отказалась от студентки ввиду большой нагрузки, сказав: – С пятиклассниками много возни, тетради. Проверь тут каждую работу. Нет у меня времени планы с ней писать, стаж педагогический небольшой, так что поручите это дело другому, более опытному учителю. – Хорошо. У меня четвёртый и девятый классы – уроков мало. Светлана Анатольевна мне поможет в воспитательной работе, поможет в организации внеклассных и внешкольных мероприятий. Так что, – обратилась я к Эмили Михайловне, своей ровеснице, коллеге, опытному учителю математики, очень умной, порядочной женщине, – поручите мне эту юную леди. – Замечательно! – от радости воскликнула Эмилия Михайловна. – Надо же об этом доложить директору. Скажем Борису Фёдоровичу, доложим сейчас же. Девчонки, у меня урок. Я побежала в кабинет, надо подготовиться к математике в девятом классе. Побеседуйте, познакомьтесь. Улыбнувшись обоим, завуч школы нас покинула.

Я студентке предложила сесть на стульчик рядом со мной. Впервые мы взглянули друг на друга. Передо мной – юная леди с открытыми, добрыми-добрыми, большими доверчивыми глазами. Да, она верит в меня, надеется, что со мной ей всё будет хорошо. На моём столе увидела тетрадку с поурочными планами для шестиклассников и девятиклассников, спросила: – Можно посмотреть? – Пожалуйста, Светлана Анатольевна! Сегодня у меня два урока: русский в шестом и литература в девятом. Пойдёмте на оба урока, посидите, послушайте. – Обращайтесь ко мне просто по имени. Я – Светлана Лихая. – Лихая – фамилия исключительная, звучит здорово! Хорошо, Светлана. И имя красивое, так зовут мою дочь, она пока ученица седьмого класса девятнадцатой школы. В присутствии детей не имею права к Вам так обращаться, Светлана Анатольевна. Привыкайте, будущая коллега. – Сегодня Вы в шестом классе пишете сочинение о крылатых наших друзьях, – заговорила Светлана. – На уроке с удовольствием попроситесь. Зарянка – удивительная птичка. Послушайте строки стихотворения: Заряночкой зовётся она не зря, Как два огонька и зимой, и летом. На лбу и груди у неё заря горит, не сгорая, багряным цветом... – Это Эдуард Асадов. Прекрасно! Светлана, всё стихотворение прочитайте перед шестиклассниками. Вот и Ваше первое знакомство с ребятами. Жаль, что Асадова нет в учебной программе, но мы с Вами его включим в девятом как внеклассное чтение. Интереснейшая биография. Ветеран войны, в мае 1944 года тяжело ранен и навсегда потерял зрение. Уникальные стихи! Вы и другие стихи его знаете? Да, Светлана Лихая всего Асадова знала наизусть. Читала стихи на уроках, линейках, на концертах, о любви и первом поцелуе, вечной ране, о животном мире, пернатых друзьях. Светлана стихами, знанием литературы обворожила старшеклассников, и они стали её друзьями. Ребята узнали, что Светлана сама пишет стихи, притом совершенные, понятные, доступные для детей и молодёжи. Она радовалась, в школу бегала, ходила, как на праздник. Читала свои стихи об осени, любимом времени года, о весне, морозной зиме, первой любви, городе нефтяников Нижневартовске, который для неё после Ургенча и Чемкента стал родным. – Светлана, Вам надо поработать над русским языком, особенно над письмом, орфографией, а по литературе просто молодец, высшая оценка! Спасибо за необыкновенные стихи, – благодарил я, меня поддерживали учителя, особенно дети, поздравляя её с окончанием педпрактики, провожая Светлану на учёбу в Тобольск.

ОСЕНЬ РАСТРЕВОЖИЛА ... А осень купается в грусти, Ведь осень такая пора: Того только в душу пустит, В ком высветит грани добра. Вновь душу мне трогает осень Своим золотистым крылом. И дни нашей жизни уносит, Как листья за мокрым окном, – вместе с осенью купается в грусти Светлана Лихая, прекрасная поэтесса, член Нижневартовского литературного объединения «Замысел» с 1996 года, автор первого поэтического сборника «Осень растревожила», увидевшего свет в 2005 году. Часто читала она мне свои новые строки многочисленных стихотворений, затем – и сказки для детей. Спорили, порой ссорились, но ненадолго, тут же мирились, соглашались, делились мнениями. После педпрактики для неё я стала старшим другом, советчиком, консультантом, притом до конца её короткой жизни, очень непростой, сложной, но замечательной, полной веры, надежды в доброе, хорошее и преданной Любви.

Первую главу своей были «Юная леди» я писала при жизни Светланы издавека, с Волги, читала строчки по телефону ей, уже обесиленной, замученной сильными болями. Попрощались-то мы с ней месяц назад, 30-го апреля 2012 года. Светлана повернулась ко мне

боком, протянула мне левую, опухшую, твёрдую, как камень, большую руку – я массажировала её, впервые прямо, открыто смотрели друг другу в глаза. Её глаза, большие, наполненные тоской, печалью, но выразительные, пронизательные, ясные, прекрасные, серо-голубые, прощались со мной. – Я всегда любила Вас, как мать. Часто бывала не права, – проговорила моя Светлана. – Ты, Светочка, прости меня за то, что иногда ругала тебя, читала разные нравоучения. – Вы ругали меня справедливо, я на Вас никогда не обижалась. – Я о тебе, Светка, книгу напишу. Разрешишь? В ответ Светлана мило улыбнулась, кивнула головой, затем спросила: – Устали? Но мне приятно, тепло от Ваших рук. Боль утихает. Побудьте ещё со мной.

На смену подошёл Василий, любимый муж, близкий человек, опора, поддержка в трудную минуту. Я понимала, сознавала, что уходит она из жизни, её доброе, отзывчивое сердце бьётся последние недели, дни и часы. Но я, многие верили, что Светлана выдюжит, выдержит, не сдастся недугу. Тщетно принимала все лекарства, народные средства, приписанные не больницей, а матерью, мужем. Была послушной пациенткой: на голодный желудок глотала керосин с медвежьим жиром, жёлчью. Там, в Нижневартовске, за два с половиной месяца до её кончины, звонила или я, или она. – Не кладите трубку, мне в дверь звонят. Подождите, – просит меня Светлана. Я слышу диалог с подвыпившей соседкой: – Света, дай мне денег сколько-нибудь. – На что? – На бутылку. Мне плохо. Светлана, не раздумывая, из кошелька достаёт сто рублей и протягивает женщине, бежит к телефонной трубке. – Соседка пришла, денег просит. – Света, я всё слышала. Что ты делаешь? Твоя соседка бессовестная: она же знает, что все эти лекарства для тебя дорого стоят. Она, конечно, этих ста рублей не вернёт. – Пусть. Отдала и всё. Отзывчивая, безотказная, щедрая. Светлана была такой. Последнее отдаст, если оно было, есть.

Снова в руки беру блокнотик со стихами Светланы, беспрестанно листаю, читаю: «Близится рыжая осень. Глупо так думать в июле. Снова прощения просят Те, что меня обманули. Сердце немеет от стужи. В самое жаркое лето...»

Да, обманывали её, она терпела, ждала счастья. А оно сопротивлялось, не шло. И жизнь подносила всё новые и новые сюрпризы – Испытания, по словам Альбины Кузьминой, руководителя городского литературного объединения «Замысел», не всегда жизнь расстилала ей дорогу. Много судьбоносных перипетий пришлось ей пережить. Первая любовь, трепетная, сильная, незабываемая, но оказалась она безответной, жестокой. Столько переживаний, волнений! «И направо погляжу, И налево погляжу, Сколько лиц вокруг я вижу, Твоего – не нахожу... Мне поспать бы, да не сплю, Мне уласть бы, да стою, Поминальными стихами О тебе я всё пою...»

Стихотворение «Молитва». Оно появилось на страницах журнала «Дельфа-Пресс». Читали и радовались вместе. Я осмелилась «Молитву» отправить композитору и певцу Игорю Николаеву. «Господь! Пойми мою кручину, Не будь капризен и жесток, Храни родного мне мужчину От грустных дней, пустых дорог...». Светлана верила в счастье, ждала и надеялась, что оно придёт. «Я жду тебя, когда пурга Вовсю метелит снег, Когда автобус до меня Свой прекращает бег... В заборе старом две доски От ветра ходуном. Одна в снегу вся и скрипит: «Напрасно ждётся!» Другая на одном гвозде, Колдует, что придёшь... И Он пришёл в бабье лето, лечачее «душу добрым светом». Осень растревожила. «Осенний дождь стучит в окно, Смывая след пустых обид. С тобой не виделась давно... И вдруг звонок. Открою – ты! С порога скажешь мне: «Встречай», Засучусь я у плиты И заварю душистый чай».

Июль, 2012 год

«Верста за верстою, и снова верста...»

В перспективы составили.
 Человеческий мир –
 Частный случай для зрения.
 Перспектива – кумир.
 Необъятна вселенная.
 Правы предки мои,
 Чьи иконы старинные
 Не сводили вдали
 Параллельные линии.

Кто ты, папа?
 Счастье сильной лапой
 От войны тебя в детдом втащило.
 Это счастье?
 Скрыться от ненастья...
 Многих разметали эти силы.
 Вы в детдоме
 Стаей, как на зоне,
 Хилые малявки жить спешили.
 По больницам
 Дал Господь вам лица.
 Имя вам в детдоме порешили.
 Там по виду
 Доктор возраст выбрал,
 На войну с оглядкой, занимая.
 Потерялся,
 Жить потом старался,
 В жизни очень многим возражая.
 Я вам верю,
 Что по жизни зверем
 Дал детдом вам право
 двигать ловко.

Чутким зверем,
 Осторожным зверем.
 Часто пригодились та сноровка?
 Вы мечтами
 Маму выбирали?
 Или это память вас водила?
 Русоколых
 С синими глазами
 Много добрых рядом с вами было?
 И девчонки –
 Старшие сестренки?
 Или это девочки в детдоме
 Вам пеленки
 И носы сушили?..
 Взрывы в разоренном эшелоне...
 Это было...
 Это тоже было.

РОССИЯ

Тебя по крохам увозили,
 Тебя домысливали в снах,

Земля заветная России.
 Тебя проматывали в прах,
 Тебе слагали гимны-были,
 Тебя ругали в Бога-мать...
 Но как любили! Как любили!
 И за тебя шли умирать,
 И для тебя рождались дети,
 Сады весенние цвели.
 И ничего на целом свете
 Дорожке нет родной земли.

СУДЬБЫ

Анна, когда-то Вы счастливы были.
 Счастье терять не хотели, и вот:
 «Чем принуждение,
 лучше в могиле».
 Поезд идёт. Поезд идёт...

Ольга, древлян Вы простить
 не умели.
 Омутот тих и печален Ваш взгляд.
 Дань – только птицы. Всего?
 Неужели?
 Птицы летят. Птицы летят...

Екатерине, царице великой
 Многие лета был подданный рад.
 Что поминаешь, потомок безликий?
 Бриджи солдат. Бриджи солдат...

Женские лица. Забытые тайны.
 Столько решений, потерь и невзгод!
 Марфы, Алёнушки и Ярославны...
 Время идёт. Время идёт.

ГЛУБИНКА

Глубинка. Немыслимая глубина.
 И мутные струи, и чистые воды.
 Но лучше не падать до самого дна.
 Лиха ты, стихия родного народа.

Никто не минует судьбы и креста
 И старой цыганки забытое слово.
 Верста за верстою, и снова верста.
 А сколько оставлено здесь
 дорогого.

Немало забудется, много уйдёт
 С годами и вёрстами,
 скроет туманом.
 И снова падение, снова полёт.
 Как прежде, спасает
 «небесная манна».

Мы сквозь метель
 по дороге несёмся,
 Нам Самотлор засветил огонёк.
 Где-то в Магрибе коварное солнце,
 Нежное море и жёлтый песок.

Кто-то считает там за непогоду,
 Если плюс десять.
 Так холодно – жуть!
 Просто там люди не нашей породы.
 Мы и в мороз продолжаем
 свой путь.

Шум от мотора, дыхание печки.
 Мчится автобус, танцует метель.
 Не колокольчики, плётка, уздечка.
 Скрип механизмов,
 шурупов, петель.

Пухом, цветами бросает нам в окна,
 Веткой заснеженной машет с болот
 Ветер, помощник метели холодной.
 Чудо случилось и скоро пройдёт.

Ветер устанет. Свежо и морозно
 Солнечный день
 нам подарит февраль.
 О непогоде грустить несерьёзно,
 Только цветы мне метельные жаль.

ПЕРСПЕКТИВЫ

*Параллельные линии
 Не пересекаются.*

В перспективе сошлись
 Параллельные линии.
 Идеалы свои
 Точно так сотворили мы.
 «Будет в лучшем из дней...»
 Увлечённые далями,
 Поскорее людей

Сегодня она – из глубин, от Земли,
А завтра другим нас
одарит Природа.
И в будущем сможем,
и раньше могли
Мы – главное – люди
большого народа.

ОСОЗНАЮ

Я – часть народа моего.
И страсть, и сила.
И боль народа моего
ко мне пристыла.
Мечты народа моего –
моё мечтанье.
И оклеветанность его. И поруганье.
Я слышу звон колоколов.
В тиши моленье.
Ждёт от скитов до городов –
воцерковленье.
Я вижу мутность вешних вод,
осенний холод.
Но каждый новый поворот –
для счастья повод.

Страну мою осознаю.
Люблю и верю,
Что видит, знает боль свою,
свою потерю.
Страна моя. Я – часть её.
И страсть, и сила.
И каждый светлый день её
превозносила.
А значит, светлых дней ещё
немало будет.
И праздников – непересчёт,
и трудных буден.

ЭКСКУРСИЯ

Царь-колокол,
ты мог звонить набат,
«Христос Воскрес!» звонить ты
был бы рад,
Но ты к земле прикован, сам тяжёл,
И, словно рана в теле –
ломкий скол.
История. Искусство. Старина...
Испарина – на лбах,
и кровь – рекой.
Ах, как ты был нам нужен, вечевой!
Кровавый сон могла не знать
страна.
От звона нечисть
прочь бежать должна.

Но – прах и пыль, осколок, тишина.
Эксперсии в Кремле. Ты – старина!
Эх, старина, тряхнём-ка стариной.
Ударим с хрипотцой
над всей страной.
Но не по силам колокол поднять.
А, значит, нам с тобой
молчать опять.

НАДЕЖДА

Судьба отмеряет безумство
и разум.
А молодость хочет и много, и сразу.
А зрелость, пытаюсь спасти
от ошибок,
Бежит, раскисая от слёз
и «Спасибо...»
И люди мужают, и люди взрослеют.
А слёзы всё горче, а кровь всё алее.
Бывает и радость,
но как-то недолго.
Меняем обличья –
от птицы до волка.

И летние жаркие дни исчезают.
Опять провожаем последнюю стаю.
Опять кто-то рядом
сверкает клыками.
Но, всё же, добро
побеждает веками.
А, значит, не зря благородство
и смелость
Сражались: чтоб снова
мечталось и пелось.

ДАЧА СТАЛИНА

Страна была сохранена.
Семья – работа и охрана.
По-человечески трудна
Судьба «героя» и «тирана».
Я к Вам не чувствую родства.
Но эхом в зале заседаний
Звучат далёкие слова
И тосты в пиршественном зале:
В тени реликтовых деревьев
У грандиозного камина.
История, не постарев,
Продолжится неумолимо.

АВГУСТ В КОНСТАНТИНОВЕ

Именье Кашиной тенистое,
Село певучее и чистое,
Есенина стихотворения,

И время – яблокопадения.
Две курицы с чудными лапами,
Двор с рыжеглазыми котятками...
Дарю часы покою, отдыху.
Мчит пенка-облако по воздуху,
Чуть слышно ветра дуновение.
Большой поэт... Прикосновение.
Тепла поверхность пальца медная.
Хранит история музейная
Страницы дней. А мне запомнятся
Плетёный тын, амбар и горница...
Мы здесь – поэта почитатели.
Скажу о нём, как о приятеле:
Пришла к нему домой, к Есенину.
Стола коснусь, к стене прильну...
Спрошу: «Когда-нибудь позволите
Послушать песни за околицей,
Побыть недолго гостьей-жителем,
А не случайным посетителем?»
Присесть бы вместе на завалинке,
Пожить бы месяц
в доме маленьком.

* * *

Моей души колокола
Мне не дадут ни лгать, ни согнуть.
И светлым звуком два крыла
Упруго выровняют спину.
Не всем сердцам звучать дано
Струной болезненной, жестокой.
Но если ты оглох давно,
И кажется: «За око – око»,
Не преврати, не переври
Во звон монет от сердца стоны.
Опять кричат: «Спасите!» Крик
Звучит, как голос незнакомый.

ИТОГИ

На земном большом,
прекрасном шаре
Рядом с муравьём – огромный слон,
И других немало разных тварей –
Одиночек, в стаях и «по паре».
Кто берёт уменьем, кто числом...
Люди – в школах, партиях и клубах,
Одиночки, пары и в семье...
В шортах и халатах,
платьях, шубах,
В смокингах, спецовках
грязных, грубых –
Все мы обитаем на Земле.
Всяко было... Лучшая награда –
Годы пониманья и любви.
А кому-то денег много надо.
Кто-то ждёт салюта и парада...
Господи, на жизнь благослови!

НА ЧТО ПОХОЖИ ОБЛАКА?

– Дядя Габиб! – услышал я за своей спиной голос племянника, про которого и забыл, что он едет с нами, с моей немаленькой семьёй, мирно посапывающей в просторном салоне автомобиля. «Семейник», так называют его в народе, отвечал всем своим предназначениям того автомобиля, для семьи, потому как любой желающий мог там спать и на ходу. Хватало легко и быстро разложить своё сиденье в виде дивана и лечь, вытянувшись в полный рост. А при об-

щем раскладе сидений, места хватало всем, в том числе и водителю.

– О-о! А ты, чего не спишь? – прикрыл я свою забывчивость укором.

– Музыку слушал, – сказал он, отвернув лицо в сторону и выставляя правое ухо вперед, ожидая моих дальнейших к нему обращений. Он слеп от рождения. Халатность медперсонала, или природа, которая сыграла с ним злую шутку – преждевременным его рождением в шесть месяцев, были тому причиной. Поместив его, недоношенного, под «колпак» – аппарат жизнеобеспечения, врачи забыли обеспечить повязкой его глаза. «Кислородом сожгли» – был диагноз слепоты во всех последующих лечебных центрах. Сейчас ему одиннадцать лет и весь учебный год он живет и учится в школе для слепых в городе областного значения – Тюмени, лишь на каникулы, посещая родительский дом, в Нижневартовске. Его отец, брат мой, бросает работу и спешит за ним, сразу, после четвертных оценок. Привозит, увозит. И всё же, мы видимся мало, хоть и собираемся во время его приезда или отъезда.

– Дядя, не хотел тебя будить, извини! Но и без музыки мне сейчас никак; – сказал я, извиняясь за его потревоженный сон. – Не хотелось бы уснуть за рулём, а так хочется спать, и до утра ещё далеко!

– Да, нет! Ничего, я давно проснулся.

– Как, давно? Чего молчал? А я тут, скучаю, сижу и думаю – бросили меня, предали, за рулем оставили одного, сами уснули. Мне поговорить даже не с кем. А ты говоришь – я давно уже не сплю!? Как так? Скоро и спать бы потянуло! – нарочно возмущался я, желая обрадовать его – его пробуждением, давая тем самым ему понять, что он мне, как раз и нужен был, и что он только и обрадовал меня тем, что не спит, в самый нужный мне момент.

– Османик! – грубым тычком в плечо, я стал будить его совершеннолетнего старшего брата, на переднем сидении, у которого в обязанностях и было «быть мне помощником» в ночной моей езде. Не дать уснуть за рулем – в первую очередь.

– Ну-ка! Быстро – марш назад! Зачем ты мне такой помощник, который только и помогает мне тут быстрее уснуть. Бессовестный! Ещё и храпит!? Какой ты помощник, если позволил себе здесь уснуть? – ловил я двух зайцев

сразу, ругая ночного «бортмеханика». – А ты, дядин хороший, – позвал я его к себе, – идем ко мне! Будешь мне самым лучшим ночным помощником. Перепугавшийся грубому моему к нему обращению, старший племянник, не успев проснуться и в угрызении совести до конца понять – что происходит, по-кошачьи, переметнулся через спинку переднего сиденья, растворяясь в темноте салона, среди других посапывающих, мгновенно освободив нам переднее своё сиденье.

Я притормозил машину, включил внутреннее освещение и взял проснувшегося племянника за вытянутые вперед им руки. В пылающих в радости его щеках и в полуулыбке стеснения, он осторожно нащупывая и обходя невидимые преграды под ногами, спотыкаясь, выдвинулся ко мне. Усадив на переднее сидение и пристегнув его, довольного, ремнем безопасности, мы снова тронули в путь. В темноте, в отблесках небольшого освещения приборов табло, я наблюдал за его, им скрываемой, радостью. Жалость к нему, защемило сердце в груди. Ведь, до сих пор, ему было непозволительно занимать переднее сидение. Нет двенадцати. Закон таков. Погодя, я спросил;

– Может, ты, в туалет хотел?

– Нет, дядя Габиб! Все нормально, – ответил он довольный происходящим.

– Чего проснулся? Или, хотел проверить что я еще не уснул за рулем? – его приятная улыбка показала мне его понимание подтекста, тонкость в шутке, каверзу.

– Песня понравилась.

– Какая песня, – не сразу понял я!

– Уже прошла. Не знаю, как называется, хотел попросить – чуть-чуть прибавить.

– Что прибавить, скорость? – убавил я громкость, и так тихо звучащую из магнитофона.

– Нет, нет! Не убирайте! Наоборот, – сказал он, вновь улыбнувшись моим манерам шутить. – Там, впереди была песня, про облака. Сзади, мне было плохо слышно.

– Найдём! Обязательно найдем. Для тебя, родной, обязательно найдем, – подбадривая его своим желанием выполнить его «любой каприз», стал нажимать на «РЕ-ВЕРС» – кнопку возврата пройденных песен. Я не знал, что я искал и потому, примерно прикинув во времени, отмотал «штук» семь песен, с запасом.

– Ну-ка! Она?

Я включил кнопку «Пуск». Началась ритмичная музыка.

– Нет, – сразу сказал он.

– Как, нет? Найдём? – не собираясь сдаваться, переключал я кнопки.

– Нет, – и там качнул он головой. – Жалкая была она.

Я не знал – что искал. Мне этот сборник в дорогу, собирал старший сын. Частенько бывая в дороге со мной, с самого детства, он знал жанры песен, которые могут мне нравиться. Я доверял ему и он знал – что надо мне, в дороге. После очередного нажатия, я услышал:

– Она!

Пел Бока – прародитель российского шансона, как говорили в передаче про него. Было приятное вступление музыки. Я прибавил звук, сопровождая словами:

– Для тебя, мой дорогой ...

Слетевшие с уст певца первые слова, оборвали мою речь:

– На что похожи облака? – Спросил меня мой сын слепой.

Я замер. Шок непозволительной мне моей ошибки сковал меня изнутри и полностью, всего. О дальнейшем его

звучании, можно было бы и не думать, если бы я мог тогда думать. Отчетливо следовавшие далее в тишине слова, довольно больно бьющие по чувствам и сердцам обоих нас, ввели меня в оцепенение:

– Я бы объяснил тебе, но как? Ведь ты не видишь, мой родной!

– Ну, объясни хоть как-нибудь, я, как и все, хочу всё знать.

– А, правда, что они плывут и могут быстро исчезать?...

По спине пробежала холодная дрожь. Стянуло кожу лица, вздыбилась дорожная щетина. По телу пробежал первый озноб. Я замер, от того, что растерялся и не знал – как быть. Было уже поздно что-либо исправлять, возвратиться, не допустить. Он уже, как и в первый раз, выставив правое ухо вперед, замороженно слушал раздражающие убаюкивающую ночную тишину и наши души слова:

– Да, это правда, облака бывают разные, сынок,

Вот это – будто бы река, а это – сена пышный стог,

Вот это – сети рыбака, а это, словно серый волк,

– Ну, папа, что же ты умолк, и у тебя дрожит рука?..

Спазмы, подступившие к горлу, стали затруднять дыхание, внезапно наплывшая изнутри горячая волна жалости, родили слезы, мешающие видеть дорогу. Нескончаемо и предательски сползающая с носовой полости жидкая слизь занимала руки.

Включив аварийные сигналы, машина медленно сползла на обочину, замедляя свой ход. Временами включающиеся вентиляторы системы его охлаждения, приглушали ровный шёпот не заглушенного двигателя.

Тогда я сыну не сказал, что туча серая одна

Похожа на его глаза с очками, как ночная мгла...

– На что похожи все цвета? – спросил меня мой сын слепой,

– Я бы объяснил тебе, но как, ведь ты не видишь, мой родной.

– Ну, объясни мне как-нибудь, я как и все хочу всё знать,

А, правда, что они цветут, и не могу я их понять.

– Вот это – красный цвет, сынок, он так горяч, как кипятилок,

А этот белый цвет, он так красив, он словно бы холодный лёд.

И осень золотом полна, она, как мать твоя, добра,

Трава зелёная сама напоминает мне тебя.

Тогда я сыну не сказал, что чёрный цвет ему знаком,

Ведь он не видит ничего, и для него черно кругом...

Мне было трудно с собой справиться. Я размяк, скис, сдался. И настолько, что когда приходил в себя только заметил, что его правая рука лежит у меня на плече. Я открыл дверь и вышел на улицу. Впереди, в метрах семидесяти, освещая всё вокруг мигающим красным светом, от включённых аварийных сигналов, стояла наша вторая машина, за рулем которой, сидел мой старший сын, в ожидании того, когда мы, со съехавшей с дороги отцовской машины, пассажиры, справят нужду и снова тронемся в путь. Постояв еще немного на ветру, я умылся и снова сел за руль. Мы тронули дальше.

Один из больших городов Сибири Тюмень и его пригородная часть были позади, впереди Курган, Челябинск, а за ним и Уральский хребет – перевал, к которому мы и рвались. Хотелось пройти его до утра, дабы избежать днём его загруженность и заторы. Уфа была целью всей нашей ночной поездки – середина всего отпускного маршрута. К утру, к пробуждению всей семьи, мы должны были сделать привал у придорожного кафе под Уфой, чтобы накормить детей горячим завтраком, заправить вновь баки, проверить исправность автомобилей и, не теряя времени, следовать дальше по своему маршруту, экономя время, проведённое

в изнурительной дороге. Наблюдая за зигзагами сплошной разделительной полосы и самой дорогой, я вел свой старенький «Семейник», с мирно посапывающей в нем своей родней, окунувшись в глубокие и тяжелые мысли, впрочем, как и сам автомобиль – окунувшийся в ночь, в глубокому теменю ненастья. Временами, наблюдал за племянником, за его опущенной головой, с открытыми в нём и иногда похлопывающими невидящими глазами. Я выключил магнитофон.

– Не спишь?

– Нет, дядя Габиб! Жду, пока вы заведёте разговор!

– О чем бы, Садулик, ты хотел говорить со мной?

– Дядя Габиб! Не переживайте вы так из-за этой песни.

– С чего ты так решил? ... Да-а! ... Уже, не переживаю!

Поздно уже, мне, старому дураку, переживать. Тогда, и ты не молчи, говори чего-нибудь.

– Я подумал, дядя Габиб, вам, наверное, просто было нехорошо, поэтому ждал, пока вы отойдёте. Со мной все нормально! Я привыкший.

– Не надо к этому привыкать. К этому разве привыкнешь? ... И вообще, запомни что скажет тебе дядя! – выдержав паузу для осмысления и, ничуть не сожалея о надуманном, пообещал – Если или когда-нибудь, пока дядя живой, наука придет к тому, чтобы научиться пересаживать глаза, один – свой, я обязательно дам тебе, сынок. Без колебаний! Обещаю! Дядя хочет подарить тебе то, что не сумел сделать тот папа, из песни.

– Да, ну! Дядя Габиб!? Не надо так говорить. И я вас очень уважаю! Не надо мне, так!

– Надо, сынок, надо! Для дяди, это надо!

Дальше мы молчали. Повороты сменялись подъемами, спуски ровной дорогой, тяжёлые мысли сменялись теплом и жалостью к нему.

– Дядя, так мало знает о тебе. Расскажи лучше, как у тебя дела, там – в школе?

– Все хорошо, дядя Габиб! Там у меня всё хорошо! Уважают, радуются – когда приезжаю. Есть друг. Правда, ночью не дает вовремя уснуть – вопросами своими. И воспитательница хорошая, которая хоть и ругает нас двоих, но все равно меня любит.

– Откуда такая уверенность?

– Она очень часто спрашивает – как у меня дела, как дома, как я провел каникулы. Просит, чтобы я рассказывал о семье, ну... о папе, маме, как встретили, как проводили. А когда мне бывает плохо, ну, сон приснится нехороший, я хожу к ней, и она меня не прогоняет, как других. Мы долго сидим, болтаем.

– Значит, ты умеешь чувствовать такие вещи, хоть и не видишь их?

– Ну, да! Они ж с душой относятся ко мне.

Я смеялся его умозаключению и от того, как и сам не мог кивнуть в разговоре ему головой, как в знак согласия.

– Там еще есть, ну, как вам сказать – отец Андрей!? Он тоже меня уважает.

– Да-а-а!? – спросил и я, не скрывая своего удивления.

– Он там каким боком?

– Там, рядом церковь, и он приходит к нам проводить уроки. Как увидит меня, сразу говорит: «Асадулла Магомедович! Рад Вас видеть!» – Ребята смеются, конечно, но и я рад ему. Он хороший! Мы с ним тоже много разговариваем. Только я не знаю, как ему теперь сказать, что я больше не буду, ну, ..., не хочу туда ходить.

– Куда?

– Ну, на его уроки.

– Почему?

– Ну, ...я ж, мусульманин!?

– Так!?

– Ребята, ну ..., те, которые немножко видят. Когда я мочился в туалете, они видели мою ..., ну ..., «пипиську» – короче говоря, стали спрашивать: – «что я, мусульманин,

что ли»? А тут, во дворе, от друзей Османа я слышал, что мусульманам нельзя ходить в церковь... Теперь, не знаю только, как ему это сказать!

– А, он знает, об этом?

– Что я мусульманин?

– Да. Что он говорит, по этому поводу?

– Что Бог всех нас любит, и что все мы – под одним богом ходим, что надо верить в Бога, и что человек, здесь должен жить, соблюдая Божьи законы. Я сказал ему, что я думаю: – «...», что каждый человек здесь должен жить для того, чтобы ещё и другому человеку тоже было хорошо. Правильно ведь, дядя Габиб?

– Сам-то где это взял?

– Так, думаю!

– Откуда?

– Вот, вы-ы-ы....? – возмутился он, не находя что сказать или показывая мне этим, что моё недоверие обижает его, неприятно оно, ему. – Он, тоже переспрашивал! Вы, что!? Не верите мне? – он сделал паузу в ожидании ответа, уставившись в невидимую им даль.

– Ну..., может... кто сказал!? Может, прочитал или...

– Я ж не вижу, чтобы читать!?

– Ну, ... где то же, ты, это взял!?

– Говорю ведь, сам понял!

– Тебе сколько лет? – спросил я, сомневаясь уже не только в том, что его хорошо знаю, но и в его возрасте.

– Для вас – одиннадцать, дядя Габиб! А, если «менты» спросят, то – тринадцатый пошел.

– Как это! – не сразу понял я.

Он закатился радостным смехом:

– Я там, в школе, слышал от ребят, что «ментам» надо говорить, что больше двенадцати тебе лет, а то – оштрафуют.

И я, теперь смеялся не на шутку, видя, как он умеет радоваться своим маленьким озорством.

– Отец Андрей говорит еще, что все должны изучать и знать Библию. Он прав?

– Да.

– А, если – я мусульманин?

– Тоже.

– Почему?

– Чтобы знать.

– Что, знать?

– Библию.

– А зачем, я ж говорю, что я мусульманин! И ребята сказали, что я могу не ходить на эти уроки. Вы что, дядя Габиб, не слышали – что я говорил?

– Не нервничай! Дядя не хочет тебя ни обидеть, ни обмануть, ни насмеяться – тем более. Ты затронул такую тему, которую в двух словах и не объяснить, если в тебе еще нет того понимания.

Он не стал возражать, показывая свою покорность молчанием.

– Сейчас, дядя будет говорить, а ты слушай, постарайся – больше услышать, больше взять. У тебя есть в друзьях русские ребята?

– Ну, конечно!

– Твой родной язык – русский?

– Нет!

– А говоришь ты с ними, я думаю, на русском?

– Ну, да!

– Почему?

– Ну, как почему? Они ведь не знают даргинского языка!?

Меня устраивал его ответ.

– Что было бы, Асадулла, если бы и ты не знал русского языка?

Он засмеялся!

– Блин, вот Вы, дядя Габиб, замучили своими вопросами!

– Даже не задумывался над тем, чтобы тебя мучить! Хочу, чтобы ты понял мою мысль.

– Какую?

– Которую, ты, спрашивал вначале: «Почему ты – должен ходить на уроки Библии?».

– Я, все-таки, должен ходить?

– Да! Если – не обязан, не должен, не можешь, то хоть – не помешает. Из каких это таких соображений? Это всё-таки учение! Знания! Ты, как порядочный или образованный человек, должен знать ценности людей, которые уважают тебя, окружают тебя, дружат с тобой, живут с тобой. Можешь спросить: «Для чего?» Для того, дядин хороший, чтобы ещё больше уважали тебя, твою культуру, твои ценности, как уважаешь и ты их, зная их ценности – не нарушал бы, не наступал на то, что им дорого. Тогда, ты их не обидишь. Тогда они не обидятся на тебя. Тогда ты не будешь один. Вот, почему? Ты умный мальчик, дядя понял это, теперь. Умён тот – кто умеет слушать. А, ты – умеешь. И потому, что бы тебе быть примером для них и лучшим среди них! Вот – почему!

– А, как вы узнали, что я умный? – спросил он тем тоном, когда человек хочет услышать о себе лесть или попытаться игнорировать сказанное.

– Потому, что в одиннадцать лет, ты рассуждаешь о таких вещах, которые больше тебя и на много шире, чем тебе это надо, в твои годы. Сегодня, в своём возрасте, из сверстников и старше, я знаю не многих из тех, которые бы задумывались над тем – как надо жить? Дядя в шоке, от общения с тобой! Я уверен, это лучшее из того, что можешь ты, человек – дать другому. Да-а! В этом есть большая своя мудрость! Вот, почему дядя считает тебя умным и в дальнейшем, думаю, буду – очень гордиться тобой!

– Ну, ты, дядя Габиб, дае-ешь!? Вы, такой молодец! Реально, я вас очень сильно уважаю!

Меня неприятно затронул его современный стиль разговора, похожий на блатной пацанский жаргон, используемые им слова. Пока я соображал что сказать, протянулась пауза. Так, до конца и не поняв, что именно мне не понравилось в его разговоре, я хмыкнул, после чего мой язык не заставил себя долго ждать, язвительно выдавая вслух концовку мысли;

– Да мы, братан, с тобой, реально крутые пацаны получаемся, да, Садулик!?

Поняв меня и свою недозволенную речь, нарушения в возрастной грани, он жадно хихикнул в ожидании того, что за этим последует. Тут и мои заблудившиеся мысли решили быстро поддержать друга смехом. Стало весело, когда обоих смех, объединившись и приняв задор, прикрыл под своим плотным одеялом шутки наши обоюдные оплошности общения.

Ночь еще не скоро собиралась приблизить своё свидание с рассветом, ровно как и мы, которые довольные друг другом, и не думали сменить наше общение, в лучшем познании одного другим, под тихое ритмичное звучание автомагнитолы, заглушающей тот храп и посапывание в салоне автомобиля, другими спящими нашими спутниками.

– Мужчина должен уметь все! Для того, чтобы помочь матери он должен уметь всё, из того – что должна делать она ежедневно и в день по несколько раз – мыть посуду, развесить стирку, гладить, готовить обед, смотреть за малыши детьми, принести воды, растопить печь. Все! А иначе – как ты ей поможешь. А, когда научишься – всему, представь себе, каким ты можешь стать братом, сыном, отцом, другом, помощником, начальником и, ... так далее? Тебе не будет цены! Вот – награда и тебе от Бога, ты – станешь настоящим мужчиной, пока друзья будут хныкать, что он

то не может, это не может! Поэтому ты должен учиться всему. Учат тебя сегодня – изучать русский язык – учи, учат Библии – учи, становись лучше! Завтра – будут учить играть на аккордеоне – учи, станут учить английскому тоже – учи! И учи – лучше других, чтобы в жизни быть лучшим. Придет время изучать Коран – изучай Коран и будь лучшим, потому что ты, зная и умея все, дашь людям столько – сколько и чему научился сам. Ведь и Аллах наказывает нам творить добро. «Самые лучшие из людей, – говорит пророк, – это самые полезные для людей». Как думаешь, Садулик, кто будет лучшим? Тот, кто много знает и умеет, или кто туп и ничего не знает?

– Не-е, честно, дядя Габиб, я вас вообще очень сильно уважаю! Блин! Вы самый любимый мой дядя!

– О-о! Какие признания! Ты меня охмуряешь, или смущаешь ..., – перешёл я на шуточный тон.

– Нее, дядь Габиб, я – реально, уважаю вас!

– Спасибо, дядин, и я тебя теперь реально уважаю, – сказал и я, надменно выделяя слово реально. – Реально, всегда будь таким, и реально, чтобы везде уважали тебя. Я наблюдал боковым зрением за ним. Он опустил руки, тянущиеся ко мне, призадумался, потом засмеялся и бросился на шею. И я свободной рукой обнял его.

– Всё это, конечно, хорошо! Спасибо вам, только вот маме, я не знаю чем помочь! Стирать же я не могу, и пылесосить тоже, я ж – не вижу. Он замолчал в ожидании того, что я скажу.

– В твоём положении, Садулик, это и не обязательно. Любить её и быть послушным сыном это тоже помощь, не мешать ей заняться по дому другими делами – тоже помощь.

– Как это?

– Представь, пришли гости, праздник какой-то, надо готовить стол, гостей встречать, занять их чем, а ты начинаешь: «Мама, я гулять хочу», «мама, я то – хочу», «мама я это – хочу». Как ей быть? Понимание – это тоже добро! Дети она должна заниматься, а ты приходишь: «Мама, это мой горшок!», «Не давай ему!», «Пусть не писает в мой горшок!»

Он смеялся и светился радостью весь, то и дело протягивая свои руки в мою сторону, на радостях каждый раз обнимая меня за шею.

– Дядя за рулем, Садулик. Не могу с тобой всё время обниматься, опасно это! Ну, если только, чтоб один раз сильно обняться, могу остановиться, оптом обняться.

Он весело смеялся.

– Нет, дядя Габиб, не стоит! Нам, еще далеко ехать.

– А, как мне, реально, быть с мамой? Он, вдруг запнулся; – Ой, фу! Блин, привязалось! Извините, дядя Габиб, я не хотел.

– Что не хотел?

– Да слово «блин», это привязалось!

– Ты про «блин» или «реально»?

Он задумался. Потом, сел на своё сиденье и замолчал, уставившись в свои мысли на уровне лобового стекла. Я принял вправо, не подавая сигнала сыну – проехать чуть дальше.

– Пойдём, мой друг, проветримся! Заодно, Гасана проверим, как он себя там чувствует, может ехать дальше или кофе с ним попить!

– Это из-за меня? – тихо спросил он. – Я, наверное, рассердил вас?

– Нет, конечно! – скопировал его фразу я. Впереди перевалы, часа через два начнёт просыпаться рассвет. Пойдут все большегрузные машины. До этого нам надо успеть проехать их и найти заправку, кафе, туалет, пока и наши проснутся, а всё остальное – не нужное, выбрось из голо-

вы. Мы ж с тобой друзья! Должно быть всё по-честному. Пойдём, проведем Гасана!

– Да, конечно! – прозвучала нотка радости в его ответе, когда сын открыл нам нашу дверь.

Перевалы всегда нравились мне собою – своими дорогами, величием, разнообразием. Может и схожестью с малой родиной, не знаю, но и здесь дороги, особенно, не прощают ошибки не подготовленным, плохо подготовленным и бездарям. Не хотелось выглядеть таковым.

– Как думаете, дядя Габиб, – нарушил молчание племянник, – чем я могу помочь своей маме?

Посмотрев в его сторону и видя его обращённое вперед лицо, я видел не дорогу в его взгляде, а мысли о маме его, сновавшей по всей квартире – в своих заботах о детях. Я задумался над его вопросом: он – не зря, какую помощь он может оказать маме и, что я могу ему – посоветовать.

– Ты давно своей маме говорил спасибо? Просто – спасибо, или спасибо, мама? Как давно ты обнимал её или как давно ты проявлял, в любой форме, хоть словом, заботу о ней.

– Обнимаю её, говорю спасибо ...

– Вот! Вот, про такое добро и говорю тебе, дядя! Ты думаешь, мама твоя не ценит такие поступки? ... Ей очень ценны они. Знай и помни, сказать спасибо – это тоже Добро!

– Я все понял, дядя Габиб! Я её очень сильно люблю! ... Она, для меня, всё! – тихо выговорил он.

Боковым своим зрением, не упуская дорогу из виду, я смотрел на него, поражаясь его умению слушать, его доброте – в словах, его пониманию и любви – ко всем. Я и не сомневался теперь в этом.

– Ты знаешь, куда мы едем и почему?

– Да! Вы, Гасана женить будете, ... свадьбу играть!

– Дядя очень жалеет, что не научил тебя танцевать. А то бы «зажгли» мы с тобой один общий танец, был бы он подарком молодожёнам, в их честь, от тебя, чтобы помнили!

– Даа-а-а-а! – мечтательно произнёс он. Это было – ... что-то! Но, я могу им песню спеть, – исправил он «наше упущение». – Подарю им песню... – «Без тебя», называется! Он тихо стал напевать слова той песни:

– Без тебя, любимая, мне так плохо, милая,

мне поверь – сердцу больно, без тебя...

И без твоих жемчужных глаз. – Как думаешь – обрадую их?

– На небе будут от счастья, даже – не сомневайся!

– Вы, уверены?

– Абсолютно!

– Вы сами ведь сказали: надо делать добро, – тихо произнёс он, наверное, больше для себя, оправдываясь в своих только что родившихся мыслях.

– Да, Садулик! Добро надо делать – всегда, всем и без ни акого стеснения! Этим ты будешь отличаться от плохих. Даже не задумывайся, когда есть возможность сделать малейшее добро. Когда спросили у Мудреца: «Что самое худшее, из того что делает человек?», он ответил: «Когда перед тобой Добро и Зло» и ты не знаешь чего совершить – это и есть самое худшее!»

– Бли-ин! Дядя Габиб! Я...

– Я знаю, мой друг! И мне хорошо с тобой! И дядя очень любит тебя, и будет гордиться тобой! А, теперь, дяде надо собраться, сосредоточиться и «рвать» быстрее на ту сторону перевала, пока он пуст. Ты сделал своё Добро – не дал мне уснуть, дай же и мне, сотворить Благое, пока они спят – сократить им время пути до дома!

– Блин, дядя Габиб! ...

– Я знаю! Спать! И ни звука! Дядя пошёл обгонять Гасана.

Его лицо было повернуто в мою сторону. Мутно-белые глаза отсвечивали тусклый свет панели приборов. Его губы дрогнули в улыбке, голова упала на спинку сиденья. В тишине я услышал:

– Я буду думать о вас!

По телу пробежала тёплая волна. Он умен излучать собой тепло, в котором начинкой служило Добро! И я, как на парусах – то взлетал над пропастями, то парил среди облаков, то спускался к безднам ущелий, тех перевалов. На слуху у людей, что там двигатели работают по-другому, но я твёрдо убеждён в том, чем был заправлен мой двигатель души!

...На свадьбе ему дали такую возможность, и он сделал свой подарок, предварительно поздравив молодожёнов. Он пел песню «Без тебя». В зале многие плакали, молча, из сострадания к нему, видя его слепого, маленького и с песней про любовь и жемчужные глаза. Видя в нём его радость в том, что он вносит и свой вклад в веселье той свадьбы – они плакали, жалостливо улыбаясь ему и исходящему от него. Артисты были не меньше поражены, его умением петь. В коротких паузах, находясь и сам в азарте того ритма, он короткими возгласами в стиле «Асс-са!» – «зажигал», поддавал жару танцующим «У-у-ух!».

Соблюдая местные обычаи, традиции или ещё что, в виде привычек, подошла женщина преклонных лет, обняла его и как бы между прочим, сунула бумажную денежную купюру ему в нагрудный карман. Люди, как по команде, словно опомнились – бросились осыпать его деньгами, облепив, словно знаменитость какую.

«Певец» был немного смущён, но светился весь, продолжая «подтапливать тот жар танцевального азарта» охапкой поленьев любовных строк, «фейерверками», вспыхивающими в той песне, в нужный момент.

Прошло несколько дней, и мы снова встретились в крепком объятии друг друга.

– Ну что, Асадулла Магомедович! ... – спросил я его, подковыривая его на «вы» – и ... как вам здешние места?

– О-о-о! – воскликнул он. – Дядя Габиб, мне здесь, так всё нравится!

– Ты, лучше скажи – что именно!? Так не бывает, чтоб ... ну, прям – всё...

– Я здесь всем нужен! – царапнув мне сердце словами и сам того не заметив, радостно сказал он.

– А где это ты, кому-то не нужен? – переспросил я, запуская ревнивую червивую мысль к себе в душу о том, что может он намекает на нас, нижевартовцев.

– Нет, я не о том! Просто, завтра меня пригласили в детский сад, – радостно сообщил он.

– О-о-о! Всё это, дорогой племянничек, конечно, хорошо! – подшутил теперь и я. – Но, не поздновато ли? Асадулла Магомедович, и что это вас теперь потянуло в садик? Небось, под мышкой, уже и волосы пора вам стричь? – в аристократической манере, попробовал я себя, изображая крота из мультфильма «Дюймовочка», ещё шедшего по ТВ. – А вам, милочек – садик подавай!

Он рассмеялся, обнимая меня.

– Дядя Габиб. Меня попросили выступить в детском саду! – продолжал он держать меня в объятиях. Вы ж сами говорили: «Добро надо делать всегда и всем!»

– Ту песню будешь петь?

– Ну, если попросят, и ту спою!

– А ты что, ещё знаешь?

– Ну, конечно, дядя Габиб! Я ведь их много знаю!

– Откуда?

– И на барабане я им обещал, – игнорировал он меня, подсовывая барабан.

– Ты ещё и на барабане умеешь?

– Ну, да! – поражал он меня.

– Больше – ни на чём?

– Сегодня, на зурне пробовал. Здесь, в Доме Культуры.

– Да, вы – посмотрите, что он творит! – стал я его шутиливо восхвалять, поражённый его способностями. – И, что?

– Понравилось!

– А, что ты, ещё умеешь?

Он отпустил меня, словно, что-то колючее коснулось его.

– Вы мне не верите, Дядя Габиб?

– С чего ты взял?

– Я, подумал, что вам чего-то не нравится из того, что я сказал.

Смутившись, я не находил слов. Смотрел на него и не знал, что ему сказать и боясь посмотреть ему в глаза. Мне показалось, он увидит мою растерянность. Сказать, что он «молодец» – было бы слишком «жидко». Надо было что-то большее, что было бы честнее по отношению к нему, по отношению к тому, что я, оказывается, мало знал о нём, мало знал его самого. «Не видел» его раньше, «не замечал», «не жил» его проблемами, «не вникал» в его трудности, «не уделял» себя ему. Его трудности – были его трудностями, его радости – не моими, его непонимания – оставались с ним, до определённых его моментов в жизни – без меня. Он, как изгой – жил один, вдали от нас, рос и учился на чужбине – один и не среди нас – не забывая о нас. Жил – любя нас, неся нас в сердце своём, неся всё, что было связано с нами – язык, культуру, музыку, ритм. Ритм и предназначение своё в нём – пред Всевышним, неся как бремя и слепоту его, познавая жизнь в ощущениях своих, мыслями своими – в чувствах своих. Он в жизни струну находил сам, познавал сам, изучал сам, понимал сам, учился им сам, приходя к пониманиям своим, правильным и добрым. «Где – ребята заметят, где – «во дворе подскажут», – колко прошли слова в мозгу. Не он был слеп, я был слеп, который, вроде бы и не слеп, но – не видел. Не видел его боль, ни его трудности в жизни.

Я тепло обнял его.

– Прости, родной! Меня прости – за всё! Прости, даже за сомнения твои, что дал тебе усомниться в том, что ты что-то не так сказал или сделал. Конечно, иди. Иди и «зажигай». «Зажги» там так, чтобы всем понравилось. И то – правда, что надо делать добро! Надо – всегда и всем! И не надеясь на возврат. А детям в садике, тем более – в первую очередь!

После объятий он ушёл. Уходил – радостный, счастливый, уводимый отцом, за руку, со словами;

– Дядя Габиб! Не волнуйтесь! Они не пожалеют, что пригласили меня!

Я смотрел ему вслед и подумал о том, сколько в своей начинающей жизни он принесёт людям добра, ведь он загорелся на добре, затеял игру, излучая его – добро, налево и направо.

Маленький, слепой и добрый, кажись, он теперь понимал – во имя чего он будет жить.

– Удачи, Садулик! Счастливого тебе ..., – слетело у меня с губ. – «И сам – будь счастлив!» – пожелал ему кто-то, внутри, у меня.

Прошёл день, и в районной газете была напечатана горящая статья о человеке, который, будучи слепым, на одиннадцатом году своей жизни, выступил на концерте в детском саду «Ручеёк», посвящённом Добру и Гуманизму, где отличился своей гениальностью, принося детям Добро. Желали ему там благополучия и дальнейших побед в его творении Добра, в самых разных его проявлениях.

– Будь счастлив и сам, сынок! – говорю ему я, вглядываясь в это фото.

* ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ *

*Валерий Акимов***МЕТЕЛИЦА**

За окном поземка стелется,
 Все вокруг белым-бело.
 Навевает мне метелица
 Думы с грустью о былом.
 Вьюга воет, завивается,
 Я вздыхаю тяжело:
 Ничего не забывается,
 Если на душу легло.

ЛЮБИМАЯ

Мне не найти с собою слада,
 Хоть голова седа от лет:
 Я знал, что женщина услада,
 И что без женщин жизни нет.
 Но быть душе и сердцу милой,
 Тонуть в пучинной бездне глаз,
 Чтоб дух от взгляда их
 сводило,
 Познал с тобою в первый раз!
 Я без тебя душой измаюсь,
 Когда приходится мне ждать.
 И даже в мыслях принимаюсь
 Твои ладони целовать!

Светлана Майорова

* * *

Горький вкус принимаю
 за сладкий,
 В очень сладком –
 почувствую соль.
 Выпивая смятенья остатки,
 Вытесняю последнюю боль.

Стены дома – как будто чужие.
 Одиночества вместе – боюсь.
 Сердце просится
 в дали лесные,
 Я в объятия ветра стремлюсь.

Будет горькая ягода – сладкой,
 Холод жгучим огнем обжигать.
 Не желаю влюбляться
 украдкой,
 Ненавижу бессмысленно лгать!

Пусть роса и трава
 станут пищей. –
 Горько-сладкий вкушу аромат.
 Но себя не почувствую нищей,
 Оттого, что не съем шоколад.

Жить хочу по велениям
 сердца,
 Соблюдая законы земли.
 Чтобы в меру –
 и соли, и перца,
 И страданий, и слез, и любви.

* * *

Вся жизнь – игра!
 В ней множество ролей!
 То гений ты!
 То просто дуралей!
 То ангел,
 И душа твоя чиста.
 То бес нащупал
 Слабые места.

И ложь, порой, к лицу,
 И доброта!
 Но часто маска,
 Все равно не та!
 И ты за этой маской
 Сам не свой, –
 И окружен
 Безликою толпой.

Александр Бормотов

* * *

Руки. Руки протяни...
 И припади к земле.
 У Родины – прощенья попроси
 За то, что горит она в тебе.

Брось свою быструю речь
 В лицо казнокраду!
 Да попробуй себя уберечь,
 Отдав ему – себя,
 как в награду.

Обменяй свой голос
 За кусочек бумаги.
 Поставь свою подпись,
 И ты – побежден без атаки.

Слуге народа послужи!
 Сгибай перед «рабами»
 спину,
 А после всем нам расскажи,
 Как продал ты Россию!?

Руки. Руки протяни!
 Припади к земле!
 У Родины – ты,
 прощенья проси,
 За то, что сгорело все в тебе.

МОЯ ЗВЕЗДА

По небу упрямо
 Бежит наплывая...
 Звездная пыль.
 Будто живая,
 Пеленою играя...
 Далекая синь.
 Словно в тумане –
 Черном обмане –
 Появилась звезда.
 Жаждой пылая,
 Летит всё сжигая,
 Мрачная навсегда
 В неведение тая,
 След оставляя,
 Ожерельем стекла.
 Страстно упряма,
 Жизнь пылая,
 С собою маня.
 Жадно глотая,
 Путь поглощая
 Мощью всей.
 Ночь ослепляя,
 День зарождая,
 Она станет моей!

ФУЗА ИЗ КОСТАНАЯ

В один из месяцев перестроенного года в Городе возникло новое учреждение – проектно-изыскательский институт без названия. Подобного рода образований: фирм и фирмочек, филиалов и образований расцвета малого бизнеса развелось немало. Так и здесь. На входе с крылечка, у порожка в коридорчик, усадили секретаря-гардеробщицу: раздевать, отвечать на, связывать и отфильтровывать. И было это главной задачей полнолицей, полногрудой, вполне справной для супружества, незамужней Фузы Составовой.

Была она недурна собой и некрасавица, так среднедельно приемлемое, каковое сплошь да рядом. Плотненькая, в одежде и приличии аккуратная, нешумная и улыбочивая – вызывает благорасположение, глазами лукаво постреливающая. А привлекала тех, которые восприимчивей. Сотрудник без ученой степени, распахнутый на мир жизни и ПИИ, по природе импульсивный Брыкин созвучно подыгрывал Фузе, призадерживаясь у стола в коридорчике, почти перекрывавшего коридорчик – с небольшим просветом между стеной, в который и протискивались бочком взыскующие к отделама и самому директору Аббасову. Лукаво-игривые глаза Фузы диагностировали их навскидку, как докторскими перстами пальпировали.

Брыкин не прочь был полубезничать с молодойкой, невольно косясь на крутую грудь и вполне приемлемые губы, нерастраченные на лету – по-своему тоже пальпировал, постреливал встречно. В порядке округлые плечи, талия и весь посад. Среднее сословие, средний абрис: как и положено возрасту до тридцати, посерединке реки.

«Мельпомена, – возгорался Брыкин. – Прикольная невеста. Сгубит добромолодца».

В Город Фуза будто бы порскнула из Кустаная, переименованного новой степной государственностью в Костанай, от потомков кочевников-скотоводов, особенно по части лошадей и верблюдов, овечьих отар, по воле висульской троицы за здорово живешь обретших огромный край, где все песками насыщено и реки с дефицитом воды. Закрепилась в общежитии, начала жизнь с острозатесанной нулевой отметки.

Перелом. Брыкин считал несчастными русских, оставшихся по воле Кравчука и Шушкевича с Ельциным во главе. Гомонили, что, мол, строить в степь далекую и наш черед пришел, всем Союзом окультуривали дерновину, для неимевших никогда государственности кочевников-скотоводов, по разнорядке пресловутой федеративности, республик свободных радостных отвалили кус премилый. Назарбаев даже растерялся от щедрости свалившейся, безоглядной. «А ча, знай наших лисапетных! Хватит на всех, не вычерпать и бадьей. – Троица во главе с лихим Борисом настояла. Азиатам, понимаешь, – среднюю Азию; грузинам – горы; Хохляндии – море и степи. Крым?! А ништо полуостров выперсток санаторный, малость какая; Львовщина бандеровская, западенская. И Беларусь сама по себе пусть, гуляй нога, Молдавия тоже. Прибалты загодя ускакали из сообщества. Сузим русское для русских и нерусских федеративных до минимума, остальное остальным в удовольствие».

Встали, чокнулись, облобызались сусалисто со чмоком.

Избылся комсомол вместе с мамашей-наставительницей в иную степь, совсем избылились.

Избылись многие русские из бывших республик, подобно Фузе из Казахстана. По ее уверениям так, в родчину поманило. Приблудилась девчина здесь к проектному изыскательскому. Брыкин не то чтобы влюбился в беженку, скорее сострадал ей, березке сиротской на ветрах, белорыбице в мутных потоках житейских. Пригласил прогуляться, особенно гулять в Городе, затиснутом в болота, возле реки

и старого захламленного поселка, негде, гуляли в сквере, именуемом почему-то, парком. Можно было пройтись, присесть на скамейку. По здешним меркам уже хорошо! И тема была у двоих. В Казахстане Брыкин однажды добирался в Астану через Петропавловск, Кокчетав, Павлодар, изнывая душой от потерь: все это русское уже иноземное, зачем позволили, почему? И не находил ответа, невозможно было найти его в учинившейся дьяволиаде. И что мог рядовой из рядовых, с никчемными возможностями, посуесловить в узком кругу, поисточить нервы и снова здорово промышлять кусок насущного хлеба с любимой им «Докторской» колбасой. Свое личное бы устроить. Фуза из Костаная, переименованного торватами кочевниками-скотоводами в Костанай, поддакивала возмущениям:

– Целиноград–Астана, отныне столица Казахии, все теперь отныне на степных супесях. Гоголи и моголь, конфеты фабрики «Коркунов» и компания. Сумела вовремя навострить пятки с носками, прыгом и скоком усвистать.

– На голое, ох, с ноля и вообще. С парой юбок и кофтой в полоску.

– А полоска-то при чем? – удивился он.

– Да не при чем. Все такое прочее.

В Брыкине опять кольнула жалость, надо же, с парой юбок, надо же, в полоску. Завлек ее в общежитие нефтяников, где под шумок перетрубающий разнообразных сумел отвоевать и приватизировать комнату с балконом неподалеку на проспекте. Институт через улицу, шапку добросишь, и сквер по соседству. Как под заказ. В светелке холостяцкой выпили. Оба нерастраченные. Грезы и реализации. Все как у всех в соответствующем возрасте и обстоятельствах. Лазурь небесная и над моховинами клюквенными лазурь. Хорошо быть молодым, а быть молодым дольше еще лучше, продлить юность свою в детях.

Вначале родили, потом зарегистрировались. Девчурка Настя получилась хоть куда, с кудряшками, ямочками на щеках и подбородке, попрыгунечка, всплески ручонками, прорывные всплачи заобидные по случаю и прихоти. Как водиться.

Растерянность в федеративной стране и городе породила отток народонаселения в иные дали, квартиры подешевле и молодые Брыкины приобрели однокомнатную в многоэтажке у реки, сносно обставили и приободренные решили завести второго дитенка. Полнокровная Фуза затяжелела.

Временами она исчезала дня на два-три, доводя супругу, что навещает в старом поселке подругу, тоже беженку, и Брыкин верил и зазывал через жену в гости. Подруга-беженка не появлялась, исчезновения продолжались, и он заподозрил вдруг несоответствие с действительным, решил в очередной раз последить за Фузой.

На автостанции к ней подошел сельского вида мужчина с объемистой хозяйственной сумкой и рулоном домовых обоев, в шубейке, валенках с калошами. Перекинувшись приветствиями, отправились к маршрутному до деревни Раково автобусу. Пока Брыкин осмысливал ситуацию, ПАЗик вильнул в улицы и растворился в промзонах, чтобы выправиться по-пазиковски юрко на магистраль местного значения. Брыкин, определив маршрут, тут же сговорил таксиста и вполне детективно пустился вдогон, скоро увидели автобусок, вихляющий на подтающем снегу, не разрывающий встречное пространство, скорее проковыривавший ее остреньким корпусом. Устаревшая марка, дряхлое сочленение металла, приемлемое лишь для сельских ответвлений.

До Раково верст пятнадцать-двадцать, не более, сдвойка вписалась в улочку и притормозила у пятистенника из потемневших от времени, но еще прочных бревен, сплав-

ленных, вероятно, по реке, из верховий, ибо строевого леса поблизости не угадывалось, по реке именно сплавлялся из далей, – деревня на склоне берега, вовлечь канатами от воды несложно, так обычно и делалось здесь поселенцами.

Фузу с попутчиком встретила раздобристая тетка в широком цветастом подборе и наспех натянутой сверху кацавейке. Ушли они в дом. Брыкин угостил водителя сигаретами, между прочим поинтересовавшись, что это за дом и кто хозяин. Оказалось, пятистенник Тимофея Пучкова и жены Агафьи, гостя их племянница Фрося, здесь выросшая, после кончины родителей перебралась в Город, неплохо устроилась, счастлива с мужем. У нее – ребенок, готовится вторично стать матерью.

– И никогда не была в Казахстане? – спросил Брыкин.

– И никогда, – твердо ответил водитель. – Я сам из Раково, знаю Фросю с детства, а для чего интерес?

– Разве она не Фуза?

– Никогда не была такою, что еще за Фуза-Фузея, ха-ха.

Обескураженный научный сотрудник отдал ему початую пачку «Мальборо» и на том же такси вернулся восвояси. Его в окно увидела жена и смутилась невероятно, присела на лавку, отхлебнула чаю, побледнела заметно, вспотела, вызвав недоумение Пучковых. Засобиралась обратно, ей водрузили кошелку с деревенской снедью, она отказалась наотрез, всегда отказывалась от подарений, чтобы не выдать себя.

Зачем ей понадобилась мистификация? Она с детства привыкла фантазировать, воображая себя необычайной, по большей части страдальцей типа Золушки, Козетты, детей подземелья и далее в таком роде – вначале из книг, потом жизни. И так добралась до беженки из Казахстана, оттуда переместилась в Раково семья, имевшая в деревне родственников, ей и впала в голову придумка с Кустанаем-Костанаем, про который много говорили обьявившиеся мигранты. Имя сочинила. Так сжилась с легендой, что сама поверила в нее. Не то, чтобы это помогло, но разнообразило серую ползучую повседневность. Разыграла шутку и с доверчивым Брыкиным. А как теперь? Что скажет. Как объяснит? Конец всему! Картины одна ужасней другой рисовались, вгоняли в трепет.

Ожидая событий невероятных, робче робкого повернула ключ в замке.

К удивлению, Брыкин отнесся философски-спокойно, даже весело:

– Тебе дай лопату – просишь две. За то и люблю боевое племя века. Без выдумки нет правды, поле сорняком подергивается, оды повседневности плесневеют, хлеб в горле застрекает. Иначе не ту открыл бы дверь – без Казахстана, а так распахнул удачно, верно и надежно – в душу и тело. Живем и будем жить, милая, детву плодить. В этом сила: если зерно упадет в землю и умрет, то даст много плода, а если останется, как в египетской пирамиде, нетленно, ничего не даст на последствие. Евангельей мудрой заповедано. Деторождение – оружие пролетариата и крестьянства, в нем сила и залог будущих соцветий.

Территории, что поделаешь, утратили. Они еще доставят пузыристых нагромождений Астаны, Тбилиси, Киева и прочих. И много еще доставят, не разумея, что творят. Весь мир плотоядный не разумеет вкупе и поврозь.

Позвольте русским быть самими собой, не сбивайте на глупости трудников колоса и молота с железной ручкой. С нами обретет смысл и спасетесь перед Богом и бескормией. Русские – нация корневая, планетарная. Русские всех стран, объединяйтесь и не поддавайтесь соблазнам тлетворным, разделительным!

Обнял Фросю-Фузу, поцеловал, и они продолжили двигаться вперед и обязательно, всем на загляденье, сообщая наведываться в Раково.

Невредный вымысел иногда украшает бытие. Не грешно с ним в пир и в мир, и в добрые люди. Пример описанный подтверждает.

Члены СП России – М. Анисимкова, В. Козлов, П. Плюхин, А. Кузьмина

Поэт и бард
Валерий Акимов

Выход альманаха
«Зори Самотлора». Праздник

* * *

Посмотри, посмотри на небо,
Звезды! Где еще столько звезд?
Запах крови и запах хлеба,
И сибирский родной мороз...
Там, на небе,
 всем нам размерено,
Не воротишь часы назад,
Даже дед мой самоуверенный,
В вечность мрамором
 крепко вжат.
Разорвать бы кольцо блокады,
Да и встретить бы всех своих,
Может, правда, они на небе?
Пра...пра...прадеды, сколько их?
Разыскать бы всех, всех,
 ушедших,
Не могилы, а их, живых...

Кто вот так же смотрел
 на звезды,
Тех, кто может, мечтал о них.
А еще бы, на добром месте,
Жить всем рядышком по домам.
До седьмого колена,
 всем вместе,
Знать друг друга по именам.

* * *

Слышу песнь во тьме под утро:
То ли Духи, то ли птицы.
То ли сон в сознание мутном
В ожидании зарницы.

Я всю ночь совой летала,
Разрывала память в клочья,
Свою плоть потом скормила
Голодавшей стае волчьей.

Что болело, отболело,
Не страшусь я рваной раны,
Душа вечна, бrenно тело,
Зарастает боль бурьяном.

Черти взвоят, Ангел скажет:
Стерпишь, надо крепче верить!
Мне рукой своей покажет –
Сквозь туманы новый берег.

Я спрошу, а как же дальше
Жить на этой кромке мира,
И услышу ещё тише:

Екатерина Володина

Для тебя спасенье – лира.

Станет, несомненно, легче,
А роса как дар предтечи,
В кровь опять тебя целую,
Мне когда-то станет легче...

* * *

Русь Святая – да святости мало,
А вот Веры у нас немерено.
Нам от жизни не много и надо,
Только всё не хватает времени.
То ли пить, то ли выть, то ли петь,
Слышен смех или плач, или стон,
Но крепчает народ и мороз,
За хребтами Уральских гор.
Да, всё также строгуют доски
В деревнях на смолистый гроб.
Но Есенин и Маяковский
В каждой русской душе живёт!
Что нам делать? Любить и верить!
Только так и поёт душа.
Встав однажды ногой на берег,
Мы не сдвинемся ни на шаг.
Волга, Обь, Енисей да Лена,
Нефть, алмазы и соболя,
Океана сурового пена,
И там тоже есть наша земля!
Только Боже, ты дай нам силы,
Освяти наши Души и плоть,
Первый снег, как молитва России,
На всё воля Твоя, Господь.

* Тамара Зуева

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Плывут волной сиреновой
Любимые цветы,
На лошади игреневой
Ко мне несёшься ты...
И брызги, как хрусталики,
Звон порождает свет,

А пенные кораблики
Тебе несут ответ.
Плывут они просторами
Подсиненной реки.
Под вешними узорами
Взметнутся две руки.
В десятом классе нежная
Пришла ко мне она –
В цвету черёмух снежная,
Моя любовь – весна,
Цветением согретая
Под звонкий птичий гай,
Красою разодетая,
А рядом мчался май!
Звенит в душе не спетая
Вновь песенка моя,
С ней не забуду лето я,
Зелёный Красный яр!
Бегу, тобой забытая,
Напомнит перезвон
Зарю, дождём умытую,
И месяц снегогон...
На лошади игреневой
Двоих уносит сон,

И кожу шагреновой
Исчезнем я и он...
И я горжусь тем мальчиком,
Что мне дарил цветы,
Вся жизнь моя – страдальчество –
Любовь, весна и ты...

НА МОРЕ

Улыбаются глаза,
Жизнь люблю и с ней не спорю.
Это счастья полоса,
Замирают голоса,
Шепчет море.
Успокоит синева
Лёгким бризом на просторе,
Льются ласково слова.
Манят пены кружева,
Плещет море.
Как волнует глубина,
Места нет в судьбе для горя.
Нежит тёплая волна,
Ночь тебе и мне без сна
Дарит море.

«Я из тех – послевоенных...»

Навел Плюхин

ПАМЯТИ БРАТА КОСТИ

Немецкий танк, рыча мотором,
С какой-то пьяною лихвой
«Утюжил» взвод передовой
За невысоким косогором.
Стреляя яростно, от злости
Из трёхлинейки по броне,
Там, в сорок третьем,

на войне,

Лежал в окопе

брат мой Костя...

Звенело небо от шрапнели,

От пуль был слышен свист

и вой,

И губы юные чернели,

Глотая дым пороховой.

Лежал в аду мой брат родной –

Контужен.

Ранен.

Но живой!

Спасли девчата из санбата,

Ещё бы час – и опоздали!

Ещё бы час – и без медали!

Ещё б чуть-чуть

и мы – без брата!

Когда остыли звуки боя,

Когда осели пепел, пыль,

Раскрылось небо голубое,

Но горечью дымил ковыль.

Осталась память там, в окопе!

Была весна. Теплынь такая!

Сирень цвела в начале мая,

Война закончилась

в Европе...!

ШИНЕЛЬ

Пахла порохом и дымом

И была слегка колючим,

Но для нас была любимым

Одеялом самым лучшим!

Упирались ночью в щёку

Звёзды пуговиц шинели –

Там мы рано повзрослели,

Возмужали раньше срока.

...Я из тех – послевоенных?

Торопливых, откровенных,

Для кого сухарь был сладкий,

Что давала мать украдкой.

Я из тех, не знавших детства,

Помню голод и мозоли,

С пацанами по-соседству

Дотемна работал в поле...

Ту шинель, кисет, медали

Передам надёжно в руки,

Чтобы помнили и знали

О войне далёкой внуки/

МОЯ БУРОВАЯ

И ночью, и днём,

В холода и дожди

Моя буровая

Лебёдкой гудит.

Чтоб нефть потекла

По трубе нефтяной,

Она турбобуром

Грызёт мезозой.

Колонны стучат

Километров на пять,

Пугая бельчат,

Не давая им спать...

Но пахнет теплом

От трубы нефтяной,

Что прямо в снегу

Пролегла к дожимной.

В снегах-облаках,

В белизне утопая,

Стоит, как мадонна,

В лесу буровая!

Бригада, спеша

После вахты домой,

Кричит: «До свиданья!»

Своей буровой.

* * *

Ненастье снова над рекой,

Устало дождик моросит,

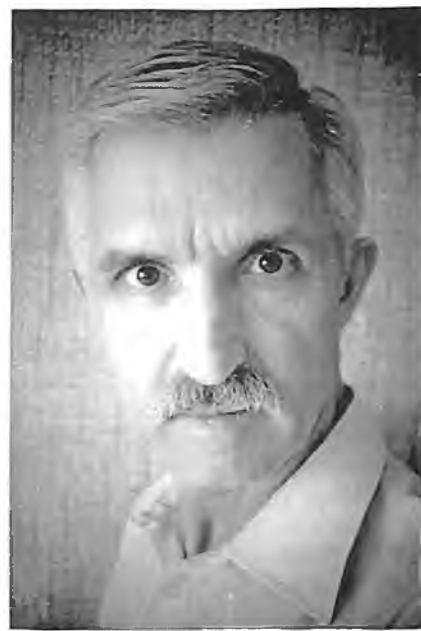
И нет надежды никакой –

Мне хант-охотник говорит.

Ненастье – для поэтов рок,

А в голове – хандра и чушь,

Лишь милый сердцу островок –

Тайги нехоженная глушь!
Здесь нет проторенных дорог
И не поймёшь? куда идёшь...

Продрог,

Промок

И одинок.

Сентябрь...

Сыплет мелкий дождь...

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Неторопливый сельский день:

Сугроб, промёрзшая сирень,

Мерцают у иконы свечки,

Две пары валенок на печке.

Пылают, щёлкая, поленья,

Плывёт по комнатам тепло,

И ворох детских впечатлений

Напоминает мне окно:

Блестит среди узоров льдин

Блик солнца,

словно апельсин,

А где-то рядом, за стеклом,

У палисадника сугроб,

Январь,

бросающий в озноб,

А в горле ком –

мой старый дом...

ЗОРИ САМОТЛОРА

Тают розовые зори,
Как года на склоне лет.
Я живу на Самоглоре –
Лучшей Родины мне нет.

Дарит цвет весной багульник,
Выйдет Обь из берегов,
Ветер северный, разгульный
Сгонит стаи облаков.

Утром солнце встанет рано,
Всё раскрасит золотым:
Улицы, дома... У храмов
Звон стоит ко дням святым.

Выйду росною порою
Прямо в солнечный рассвет,
Сердце всем ветрам открою –
В нём ни лжи, ни фальши нет.

Есть любовь к родному краю,
К утренней моей Югре –
Лучше я земли не знаю
В дивной розовой заре!

Озонт грозы воздух вешний,
А поутру бредут туманы.
Среди болот
 путь труден здешний:
Когда всё топи да урманы.

Весной багульник кожелистый
Распустит белые бутоны,
Раскроются ладони-листья:
Зелёной краски полутоны.

И поражает разнотравье,
И гомон птиц, и тропы зверя...

Альбина Кошкарёва

Кто по тайге свой путь не правил,
Не слушал древние поверья.

Тот тайн югорских не узнает
И былъ заснеженного края.
Югра идущим поверяет
Красоты северного рая.

Я выплакала слёзы,
Без них спокойней жить:
Без трепета, без боли
Прощать, любить, дружить.

Но жизнь пресна без горькой
И жгучей влаги глаз,
Что вольно иль неволью
Сжигает сердце в нас.

Я к Богу обращаюсь
В часы бессонных грёз:
«О, Отче, святой, славный,
Верни мне счастье слёз,

Чтобы душа рыдала
И отпускала боль,
Чтоб вновь мечта рождалась,
И верилось в любовь».

* Светлана Рамазанова

В твоих глазах
 непроходимость дня,
Размытость утра
 и забвенье ночи...
А за окном капли не звенят,
Студёный червь
 земную душу точит.

В твоих глазах случилось и давно:
Все девять жизней
 грациозной твари...
Ледовый плен в фаворе –
 всё равно,
Я надеваю огненное сари.
28.12.2011

Осень в природе, осень...
Сыплет устало листья.
Мне отыскать бы пристань,
Ждущую очень-очень...

Мне бы согреться солнцем,
Спящим в больших ладонях.
Пусть с головой утонет
В чёрно-белёсой кроне...

Мне бы забыться счастьем,
Чистым и родниковым,

Выглядеть бестолково,
Слово запутать словом...

Плакать и улыбаться
В серый дождливый вечер
И наслаждаться встречей:
Губы, глаза и плечи...

Осень в природе, осень...
Сколько же ей?... Лет триста?
Мне отыскать бы пристань,
Ждущую очень-очень...

16.11.2013

Я узнаю твои шаги,
Вплетённые в шуршанье
 листьев...

Как мы смертельно далеки!
Безжалостен разлуки выстрел...
Я узнаю твоё лицо
В такой безликой непогоде,
Где тучи – в плотное кольцо,
Где завыванья ветра в моде...
Я голос твой боюсь узнать
В нечеловечески тоскливом –
В прощальном крике
 журавлином...

Боюсь, но узнаю опять...

20.09.2013

В ТВОИХ ГЛАЗАХ

В твоих глазах
 спасительный глоток
Живой воды распятому
 в пустыне...

А в недрах спит
 несведущий росток,
Земля в объятьях
 белоснежных стынет.

Лидия Журавлева (Журавушка)

ЗИМНИЙ СОЛНЦЕВОРОТ

Странная привычка у меня
Наполняет жизни естество:
Жду всегда сегодняшнего дня
Так, как ожидают волшебство.

Мне ни Рождество, ни Новый год,
Я признаюсь, вовсе не милей,
Чем декабрьский
 день-солнцеворот,
Что короче всех на свете дней.

Может быть, языческая суть
В генах отзывается, лучась:
Начинает Солнце новый путь –
С ним и я, по жизни торопясь.

И отныне с каждым новым днём,
Чуть помедлив, будет литься свет
Всё сильнее...

 Сколько силы в нём!
Я – за ним! И нам преграды – нет!

ЗАМЕТКА НА ПАМЯТЬ

Наперёд не загадывай,
На судьбу не ропщи.
Жизнь богата шарадами,
Знай – разгадки ищи.

То, что вышито росами
У меня на пути,
Прорастает вопросами,
Что нельзя обойти.

То, что мне заготовлено,
Как по мерке, с небес,
На дороге подковою
Бросит ангел иль бес.

И пускай утром пасмурным
Стаи вьёт вороньё,
Страх на сердце – напраслина.
Всё, что встречу – моё.

ЧТО В ОСТАТКЕ?

Мир бушует с давних пор:
На поверхность мчится сор,
Что-то выпадет в осадок,
Что-то даст сухой остаток...

Сверху трудно разглядеть,
Что заполнит нашу сеть:
Мы всю жизнь свою рыбачим,
Уповая на удачу,

Только рыбки золотой
Не попалося нам, друг мой.
Нечет-чёт – и ловим снова
То, что ближе, право слово.

Часто манит мишура,
Блеск заезжего двора.
Мы в пристрастиях недужных
Собираем хлам ненужный.

Надо б то не упустить,
Без чего на свете жить
Было б просто невозможно.
И отсечь всё то, что – ложно.

Мир бушует с давних пор:
На поверхность мчится сор,
Что-то выпадет в осадок,
Что-то даст сухой остаток...

ПОД ЛОСКУТНЫМ ОДЕЯЛОМ

Заплутала между снами.
Сердцу что-то зябко стало.
Режу память лоскутками
И сшиваю одеяло.
Первый лоскуток – из детства,
Пахнет молоком и мамой.
В нём – ребята по соседству,
С первой дружбой, –
 самой-самой.

Во втором – мечты о небе, –
Юность окрыляет сердце.
Не понять, где была, где небыль...
Улететь бы, хлопнув дверцей!
Этот лоскут обжигает,
В нём любовь ткала узоры –
Краше в жизни не бывает, –
И остынет он не скоро.
Самый тёплый, самый нежный
Лоскут, как щека ребёнка,
Прикоснусь – и мир безбрежный
Подступает гранью тонкой.
Я согрелась... Вот зарница
Тихим светом заиграла.
Мне ж, как в детстве,
 сладко спится
Под лоскутным одеялом.

Лес-батюшка

Рассказ

Бабушка сама шьет себе нехитрую одежду на «зингерской» машинке: юбку из темной плотной ткани и блузку ситцевые или сатиновые в мелкий цветочек, исподнюю рубашку из светлой бязи. Одним словом, одевается так, как исстари одевались женщины в русских селах. Волосы заплетены аккуратно в мелкую косичку и собраны гребенкой. На голове неизменно – беленький платочек.

Мы миновали чужие огороды и сады, источавшие еще яблоневое миро. Бодрость наполняла все мое существо. И я уже чикиляла на одной ноге и прыгала через маленькие лужицы, как козочка. Бабушка урезонивает меня:

– Лес-батюшка шумливых да суетливых не больно-то любит, силушка-то еще пригодится.

– Бабушка, а почему ты лес батюшкой величаешь?

– А потому, – отвечает она, – что ежели земля – матушка, то лес – батюшка-кормилец. В войну да в голодные годы лес нас и кормил, и обувал, и от холода спасал. И зверю дикому он обитель, и птихе укрытие.

По дороге в лес мы встретили дуб-великан, он был высокий, развесистый, может быть, даже столетний.

Показывая на него рукой, бабушка говорила:

– Видишь, сколько желудей на нем; в войну их в ступе толкли, муку делали, хлеб да лепешки пекли. А корой дуба и людей, и скот лечили. И теперь желудей-то много под дубом. Никто и не собирает. Даже свиньи «нос воруют».

Вот и лес... Несмело, след в след, шагала я за бабушкой, и от волнения у меня внутри все холодело: а вдруг вон за теми кустами волк поджидает? А в зарослях яга страшная прячется? И опять дуб навстречу – стоит на краю поляны, кряжистый, широкий в обхвате, с ветвями-щупальцами... А Кота ученого нет? Да ведь листья-то пожухли и опадают...

Чем глубже в лес проходили мы, тем тревожней становилось у меня на душе:

– А мы не заблудимся, бабушка? Учительница говорила, что в лесу надо компас иметь, чтобы с пути не сбиться... А Леший в чащобу не уволочет нас? – на всякий случай спрашиваю я.

– Полно тебе, внученька, вон наш компас – на небе, – указала она на восшедшее солнце. – Запомяни, с какой

стороны солнце, коли в лес заходишь. А лес этот я вдоль и поперек в войну прошла. И места грибные да ягодные знаю. Так что тревоги твои напрасные. А Лешего-то из головы выкинь. Волков бояться – в лес не ходить...

Она сказала, останавливаясь:

– Вот мы уже и пришли. Сейчас во всей красе увидишь лес-батюшку.

Повязывая поверх беленького платочка малиновый полушалок, пояснила мне: так лучше ее видно будет среди бурых стволов да травы.

– Бабушка, ты в этом малиновом полушалке похожа на дятла, я на картинке в учебнике видела, – говорю я, и мы весело смеемся, и страх отступил от меня.

– Я тебе вот что скажу, – говорит она, – ты следом за мной не ходи, а то вместо грибов пятки собирать будешь. Но и по сторонам шибко далеко не лезь – потеряться можешь...

Я мало-помалу осмелела и глазела уже по сторонам. Хороводились молоденькие березки. Обняла одну из них, покружилась – позолоченные листочки так и посыпались, что-то шепча на прощание. Голова закружилась от запахов увядающей травы, листвы опадающей и еще от каких-то неизъяснимых ароматов, неведомых шорохов, звуков. Было в лесу в этот час как-то торжественно-тихо, прохладно и таинственно, и вовсе не страшно...

Главные солисты лесного хора уже покинули наши края... Порхали с ветки на ветку синички и еще какие-то неведомые мне птицы, но мне не хотелось докучать бабушке расспросами. Присмотрелась: бабушка грибы один за другим клала осторожно в ведро. Подняв голову вверх, увидела голубеющее небо и солнце, которое показалось мне мохнатым, будто запуталось оно в кронах высоких сосен, дубов и берез.

– Вот так великаны! – встрепенулась я.

Треснула ветка, я испугалась и закричала:

– Ой-ой, где-то рядом медведь!

Но бабушка успокоила меня:

– В наших лесах медведи не водятся. А у страха глаза велики – не только медведь, и слон может померещиться.

– А от меня грибы прячутся, – начинаю канючить я, – ни одного нет. Наверное, зря я пришла сюда.

– А ты, внучка, почаще поглядывай, они, и вправду, от тебя прячутся. Всмотривайся и вслушивайся, тогда лес все

Медовый август был на исходе. Яблочный Спас – готовь к зиме припас – уже проводили. Да и третий встретили. Считанные денечки оставались до начала учебного года. Вот-вот осень у порога...

Ежатся от холода сжатые поля. Стерня, точно стриженные макушки новобранцев. Серым волком рыщет ветер по скошенным лугам, по облысевшим садам и посадкам. Зарядили было дожди, да, видно, передумали. И просияло солнце...

Вечером, входя в избу, бабушка Катя сказала мне:

– Погодушка-то уведрилась, Ни-нушка, ложись-ка спать пораньше, а утром, Бог даст, в лес пойдем. Разбуду с петухами. Сказывали грибники у пригона: грузди да волнушки поспели.

– Ура-а, меня в лес берут! – кричала я радостно.

Ушам своим не верила: я ведь ни разу еще не была там. Село наше лежало в кольце золотых полей, очень далеко от леса. А он темнел вдали сплошной стеной, темный, молчаливый, пугающий. Мне и младшей сестренке Тане запрещено было туда ходить.

Утром, рано-рано, бабушка разбудила меня:

– Подымайся, кто рано встает, тому Бог дает...

Я беспрекословно выпила кружку парного молока и оделась.

Выйдя за ворота, она первым делом перекрестила себя и меня, и мы отправились в сторону леса. Утренняя прохлада прогнала остаток сна. Ветерок ласково щекотал щеки и шею, ерошил у меня на лбу коротенькую челку.

Бабушка Катя идет впереди меня, даже не идет, а как будто плывет. Длинная юбка, собранная на резинке сверху, вьется на ветру, закрывая ее ноги до пят.

тайны свои тебе откроет, распахнет он свои кладовые, ничего не утаит. Как говорится, надерешь лычок – сплетишь ремешок, обдерешь палку – получишь скалку.

– Ох уж вечные эти бабушкины при сказки, – вздыхаю я.

И вот, потихоньку, идем мы по бабушкиным грибным местам. Наконец, пристально глядя под березку, а вдруг показалось, вижу: вот он, грибок, что спрятался от меня. И я не ошиблась: ковырнула палкой листву – и вот гриб, да еще не один!

– Бабушка, я грибы нашла! Грузди или волнушки!

– Сыроежки это. Не бери их. Груздь сыроежке не товарищ, а волнушка не подружка. Не кручинься, твой гриб тебя дожидается.

Успокоенная бабушкиными шуточками-прибаутками, иду по опавшей листве, цепляя на лицо паутину.

– Ах, грибы мои, грибы, да вы грибо-о-чки мои! – горланю я что есть мочи во все горло и отхожу чуть в сторону. Вот оно – везение: волнушки прямо передо мной, в траве. А вывел на них мухомор. Красный такой, огромный, в шапке сказочного гнома.

– Бабушка, а давай мухомор возьмем.

Но вокруг тишина. Мне становится жутко, и я заорала изо всех сил:

– Где ты, ба-а-бушка-а?!

– Да здесь я, рядом, давно тебя вижу, – чуть громче привычного отвечала она. – Ну что, распахнул лес-батюшка кладовые перед тобой? Э-хе-хе, в войну дикую малину да яблоки-кислушки ведрами носили, тем и спасались. Сады-то в суровую зиму вымерзли. Кабы не лес, пропали бы. Лыко из лесу несли да лапти плели. К лесу-то особое почтение иметь надо, беречь как зеницу ока.

– Сколько времени мы в лесу, а кукушки не слышно. Куда подевалась, ведь она в лесу живет? – не унималась я.

– В эту пору кукушка не кричит: колоском подавилась.

– Как это подавилась? Каким колоском? – тараторю я.

– До Петрова дня кукушка кукует, пока хлеба не заколосится. А потом уж все... Птенцов-то своих она бросает. И не кукует больше, – терпеливо объяснила мне бабушка.

Я подхожу к ней, обнимаю и безутешно плачу.

– Что ты? Что ты? – успокаивает она меня.

– Не уезжай в город, прошу тебя, – реву на весь лес.

– Да я ведь по весне с первыми соловьями назад вернусь. Чаю, грядки сможешь мне посадить? А не ехать

нельзя: тринадцать внучат у меня. Всем помочь надо. Давай-ка лучше передохнем. Устала, поди, без привычки?

Выбираем полянку, стелем мое пальтишко и достаем нехитрый паек: у бабушки – «постный день». Она пьет чай из бутылки и, степенно подбирая крошки, ест ржаной хлеб. Никогда прежде хлеб и молоко, которое она припасла для меня, не казались такими вкусными.

Посмотрела на бабушкино ведро: оно наполнено грибами.

– Пора, внученька, к дому пробираться, солнце-то уж полдень показывает, до стада надо успеть.

Где-то совсем близко застучал по дереву клювом-молоточком дятел.

– А у меня голова что-то болит.

Бабушка сорвала какой-то зеленый лист и положила мне на лоб. Слышу, как она тихо нашептывает молитву.

– У тебя полное ведро грибов, – не успокаивалась я, – а у меня и половины не наберется. И что это за листики зеленые у тебя в руке?

– Эти лечебные листики в народе называют медвежье ушко. Палец когда нарывает, приложишь – и вытянет всю хворобу. В лесу много лечебной травы, да время сбора уже миновало. Небось, чай-то мой травяной любишь пить? Вот лес-батюшка нас и врачует.

Улыбнулась – голубизна из глаз так и брызнула. Добрая моя бабушка... Уже, по словам мамы, «седьмой десяток» лет разменяла, а молодостью так и светится, засмеется – все зубы видать наперечет, цельные, один к одному. Наверное, – думала я, – потому что мало кушает, – всегда у нее посты – вот зубы и уцелели. Да еще с поклонами, слово божье в молитвах всегда причитает. Лечит взрослых и младенцев. Она ведь не обучалась ни одного года в школе, но самостоятельно научилась читать и писать. Дорогу может находить по солнцу и звездам. А какой вкусный хлеб печет! Вот что значит – с лесом дружить. Кто же она, моя бабушка?

– Что приумолкла, егоза? – ласково спрашивает она меня. – Ай, уморилась совсем?

Возвращались домой мы усталые, но довольные – с грибами.

Оглянулась назад: остался позади лес-батюшка. Теперь он не казался мне мрачным и неприступным. «Подружись с ним – и он одарит тебя своими богатствами», – вспоминаю до сих пор я бабушкины слова.

И теперь, в преддверии каждой осени, словно голубым подснежником, распускается во мне тихая РАДОСТЬ...

03.03.2011 г.

Сергей Трохиленко

МИР ЗЕМНЫХ ЧУДЕС

Заснеженным морозным утром,
Покрывшись заревом небес,
Сверкал, искрился перламутром,
Загадочный таёжный лес.
В калейдоскопе радуг – виды
Незабываемых красот:
Там ели – словно пирамиды,
Вверх устремились в небосвод.
А рядом, тонкие, как спички,
Прижавшись, выстроились ряд
Берёзки, белые сестрички,
Покрывшись инеем стоят.
Там на заснеженной опушке,
Раскинув пышно ветви вширь,
В огромной шапке на макушке,
Встал кедр – красавец, богатырь.
Он гордо ветками качая
Над необъятною тайгой,
Как будто дали озирает,
Оберегая край родной.
И эти сказочные виды,
Раскинувшись за горизонт,
Сродни Садам Семирамиды,
Висят, впиваясь в небосвод.

МАРТ ПРИНИМАЕТ ЭСТАФЕТУ

На стойбищах у хантов праздник,
Весна идёт, щебечут птицы,
Сегодня март уздами правит,
Зовёт гулять и веселиться.

Добра предвестница – ворона,
Крылом взмахнула над тайгой,
Зазеленели кедров кроны,
Снимая шапки пред веснойю.

Сверкнули, отряхнувшись, ели
Улыбкой радостной рассвету.
Ушли морозы и метели.
Март принимает эстафету.

СЛОВО – ВЕЛИКАЯ СИЛА

Нет сильней оружия, чем слово.
Можно душу в клочья разорвать.
Что же в нём великого такого?
Не под силу разумом понять.
Слово вылетает с пылу, с жару,
Ранит – хуже острого клинка,
Перепалка полыхнёт пожаром
И оставит след свой на века.
Слово – чудотворное лекарство,
Может исцелить и вознести,
Растопить нешуточные страсти,
До блаженства душу довести.
Научись быть тонким дипломатом,
К каждому подход найти сумей,
Не ругайся, как сапожник, матом,
Будешь жить всегда среди друзей.

Известному тюменскому прозаику и журналисту Николаю Максимовичу Олькову – 70 лет! «Тюмень литературная» сердечно поздравляет своего давнего и постоянного автора со знаменательным в жизни событием, желает крепкого здоровья, дальнейших творческих свершений!

Рассказ

Николай Ольков

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ

Ах, какое белое платье, такое белое, что глазам больно, и не бывает в нашем клубе таких белых платьев, и как оно кружится в такт своенравной музыке нашего баяниста Вити Бодренького, таких баянистов больше нет, хоть весь сельсовет объезжай или даже весь район. Витина музыка сговорилась с белым платьем – и только это платье, за которым Никита лишь теперь заметил тщедушную фигурку Лени Ермохина, лучшего из танцоров деревни, но тут он оказался на подхвате и только легонько придерживал крепкую фигуру девушки, наслаждавшуюся танцем и заставляющую любоваться ею. Танец окончился, все шумно вздохнули, девушка в белом села на стульчик и белым же платком аккуратно вытерла лоб. Никита смотрел и глазам своим не верил: это же Валя, Валюша, лет семь назад они уехали в город, и Валя в деревне больше не появлялась, хотя старшая сестра Галина живет здесь всегда.

Вот это место он очень хорошо помнит: она на стуле, парни вокруг, но никто не подходит, оттанцевавший Ермохин не в счет, надо что-то такое придумать, чтобы обратить на себя внимание, Валя может и не помнить его, так что и не перебрать бы.

– Третий – лишний! – дерзко крикнул Никита и пары стали образовываться, становясь в круг, он быстро подошел к Вале:

– Вставайте впереди меня, во всяком случае, мне первому перепадет. Вы знаете эту игру?

– Конечно, помню, я же афонская. – Она пыталась обернуться, чтобы лучше рассмотреть партнера, но Никита остановил:

– Не вертись, сейчас начнутся гонки, даю слово, что к тебе первой встанут.

– Почему ты так уверен?

– Потому что знаю. Если бы я бежал, разве отказал бы себе в удовольствии постоять рядом с красивой девушкой, да еще знать, что напарник ее уже получил доброго ремня.

– А что, сильно бьют?

– Кто как. Вот он!

Убегавший от догонявшего с ремнем Миша Пожарник, он в детстве из-

бушку свою поджег, проскочил было мимо, а потом резко вернулся и встал впереди Вали. Генка Зубцов этот приёмычк знал и хорошо подготовился, ремень опоясал спину Никиты, он его перехватил и кинулся за Генкой. Тот расплаты ждать не стал, быстро примкнул к кому-то и вышел из активной игры. Гонка усиливалась, он снова увидел Валу на стульчике, бросил свою пару и подошел.

– Strongly тебя ударили? – спросила она.

– Сойдет, как всегда.

– Дурацкая игра. Со злостью.

– Это из-за тебя.

– А я тут при чем?

– Есть в этом что-то.

– Тогда давай уйдем? – она смело скинула бровки.

Они вышли вместе под взгляды притихшего зала

Было начало августа, прошли сильные дожди, потому все деревенские работы остановились. Небо вывездилось, и звезды висели прямо на тополях. Лужи приходилось обходить, потому что Валины туфельки были явно не по погоде.

– Как ты меня узнал? Ведь мы не виделись столько лет. Я училась во втором, а ты?

– В четвертом. Я тогда был в тебя влюблен.

Валя засмеялась:

– Во второклассницу? И ты это помнишь?

Он тогда наговорил ей много красивых слов. Например, что он знал, эта второклассница когда-то приедет сюда самой красивой девушкой и всех сведет с ума, особенно студента первого курса университета, она смеялась и не хотела верить, что Никита уже в то время был влюблен. Тогда он остановился, обнял ее за округлые крепкие плечи и сказал:

– Понимаешь, я мог бы потерять эти события во времени, но есть точная временная фиксация. В марте, в тот год, как вы уехали, умерла моя мама, и ты вместе с Люсей и Катей приходила к нашей избе, когда начались похороны. Я как сейчас вижу тебя на вершине снежной кучи, наваленной у расчищенных ворот.

Она поехала и попросила больше не вспоминать о грустном.

– Я говорю тебе истинную правду, Валюша, мне всегда в эти годы казалось, что мы встретимся.

– Ладно, поверю, хотя ты определенно врешь, ты ведь не сразу узнал меня.

– Не сразу, – согласился Никита. – Ты стала такая взрослая, не скажешь, что шестнадцать лет. Знаешь что, пойдём, переоденся, погуляем по деревне...

– Ты меня на озеро своди, где мы купались. Сводишь? А платье, туфли – высохнут, постираю, почищу. Пошли.

Озеро – это слишком громко сказано о старице, но она была в те годы широка и чиста, делилась с народом рыбой, и расходилась в обе стороны узким и широким рукавами, которые соответственно и прозваны были Большим и Малым омутами. Они спустились по песчаному склону, вода была тиха и парила, легкое марево плыло над водой волшебной пеленой. Табун гусей спал прямо на воде, спрятав головы под крыло. Гуси были белыми и нежными. Валя схватила Никиту за руку и прошептала:

– Только тихо, не спугни.

Они сели на прохладное дно перевернутой лодки и молча смотрели на воду. Никита чувствовал, что сейчас ничего нельзя говорить, она запретит, еще обидится. Он подвинулся ближе и приглубил ее, набросив пиджак. Девушка уткнулась лицом в его плечо.

– Никита, мне стало грустно тут, вспомнилось детство, как мы загорали вон там, за камышами, чтобы ребяташки не видели. Скажи, ведь хорошо тогда было?

– А мне сейчас еще лучше. Валя, я хочу поцеловать тебя.

– Я тоже. Поцелуй, мне так славно здесь.

Она стряхнула Никиткин пиджак и тихонько легла на дно лодки. Никита стал перед ней на колени и легонько прикоснулся к девичьим губам. Валя улыбнулась, Никита хотел что-то спросить, но она опередила:

– Целуй, Никитушка, очень хочу целоваться.

Она сама ухватила его губы и чмок-

нула громко, как будто специально. Осмелев, он расстегнул ворот платья и со страхом коснулся ее грудей, беззащитных и желанных. Валя на мгновение прижалась к нему всем телом, вздрогнула, а потом приподняла его голову:

– Не надо больше, ладно?

– Валя, милая, я же люблю тебя.

Она осторожно подвинула его и села.

– Глупые мы, что ли? Или ты юноша многоопытный, заманил девчонку в тихий угол, любовью дорожку выстелил?

Никита испугался, вот это он точно помнит, что испугался, действительно, Валя могла про него подумать. А он не такой, он же любил.

– Смешные мы, правда, Никита? Ты говоришь, что с четвертого класса меня любишь, это уже шесть лет, солидно. Я почему-то тоже тебя помнила. Когда мы вместе из школы шли, и у Поповых собака на меня кинулась, а ты навстречу побежал, и она тебе ноги покусала. Моя мама йодом смазывала и забинтовала. Помнишь?

– Да. И ты это запомнила? А еще что? Как я тебе открытки присылал по почте, как ваша учительница меня от окошек вашего класса гнала, я сбегал с уроков, чтобы на тебя смотреть.

Валя уткнулась ему в грудь и смеялась:

– И тебе влетело?

– На педсовет вызывали, но быстро отпустили, директором у нас Иван Степанович был, он понял, в чем дело и отпустил. Это он мне потом сказал, когда я в Ильинку в среднюю школу пришел, а он там историю вел.

От воды потянуло прохладой и запахло дождем. В ночное время дождь всегда чувствуется.

– Валя, надо ближе к дому, дождь будет.

Она не хотела уходить.

– Ты знаешь, как мне хорошо здесь, так бы и жила на берегу.

– Пойдем, дождь будет. Ты не можешь идти? Тогда я тебя понесу на руках.

Да, напрасно тогда Никитка так опрометчиво вызвался в носильщики, но слово не воробей.

– Согласна. Меня еще никто на руках не носил.

Никита осторожно просунул руку под ее колени, другой рукой прижал к себе за талию и велел держаться за шею. Подъем в гору, всегда плоский и невысокий, оказался бесконечным. Валя мурлыкала под ухо какую-то мелодию, а сердце Никиты готово было выпрыгнуть и убежать вперед. Осторожно поставив Валу на землю, он с трудом успокоил дыхание. Валя обняла его нежно и сказала:

– Никита, прости, ты так свел меня с ума, что я забылась. Меня нельзя носить, я тяжелая.

Они успели дойти до Галининого дома, когда начался дождь, Валя на-

отрез отказалась идти домой, хотя укрыться было негде: дом достраивался, ни одного крытого навеса. Прямо посреди ограды стоял трактор Гриши, мужа Галины.

– Никитка, давай в трактор.

– Ты с ума сошла, в белом платье в трактор, Валя!

– Да, я сошла с ума, и ничто мне не помешает целоваться с любимым парнем хоть в тракторе, хоть где.

Да, трактор тот надо было сохранить и выставить в музей, Никита за всю свою долгую жизнь ничего похожего не слышал. Просто так в тракторе – сколько угодно, но в белом платье в шестнадцать лет...

Они просидели в тракторе до рассвета, она спала на его коленях, запрокинув голову, он бережно целовал ее вздрагивающие губы, шею, она что-то сонно ворчала, потом поднималась и целовала его лицо, голову, руки:

– Никита, со мной правда что-то неладное, я не могу от тебя уйти. Смотри, уже совсем светло.

Стукнула дверь, заспанная Галина с подойником пошла к корове. Увидев гостей в кабине, она остановилась:

– Ребятишки, вы не с ума ли сошли? Валька, в новом платье, теперь до него не достираться. Шли бы в дом, там целая комната свободная.

Они опять целовались у крыльца, на крыльце, в дверях. Они и думать не могли, что все это в последний раз.

Утром Никите принесли телеграмму из университета, какие-то неувязки в документах и надо приехать в приемную комиссию. Он забежал к Галине, но та ответила, что Валя спит, и она сама ей все передаст. Разборки в университете затянулись, потом пригласили на ремонт общежития, если хочешь место получить. В деревню Никита вернулся в конце августа, Валя уже уехала в город, Галя проворчала, что надо было меньше по тракторам лазить. Вечером подошел Генка Зубцов:

– Ну, проездил свою кралю? Она тут без тебя оторвала куцему хвост, со всеми крутила.

– Врешь ты, Генка, – спокойно сказал Никита.

– Да мне-то хоть бы хны, только мы животы надсадили, хохотали, как ты ее на бугор волок.

– Откуда ты знаешь? – Никита схватил Генку за ворот.

– Отвянь! – Генка лениво отмахнулся. – То ли сама рассказала, то ли видел кто.

Никита места себе не мог найти, такие подробности их разговоров по деревне гуляли, что только сама Валя могла сказать. Было до слез обидно, что такое чистое, светлое втоптали в грязь. Пойти к Галине и взять у нее адрес, пусть сама объяснит. А если действительно все было просто игрой, и она поделилась результатами с подружками? Он собрал вещи и уехал в Свердловск на три дня раньше срока.

...Много лет позже он случайно узнал, что все видел и слышал Гоша Эстремский, пожилой мужичок, живущий на берегу, который вышел попроведать гусей и услышал шепотки у воды. Присел у прясла, да так и стал свидетелем. Никитка, говорит, чуть меня не стоптал, когда девицу волок. Кому-то очень удачно рассказал увиденное Гоша, раз через пару дней знала вся деревня.

Тогда же Никита зашел к Галине. Гриша был на работе, Галя поставила чай, Никита прошел в горницу, смотрел фотокарточки в рамках на стене. Сердце екнуло: в полный рост снята красивая молодая женщина в белом платье. Годы не изменили ни лица, ни прически, и даже платье казалось знакомым.

– Любуешься? Надо было меньше по тракторам лазить, а брать девушку, пока в руки дается. Она ведь потом все мне рассказала. И про сплетки знаю, и она знала. Ты зачем поверил-то? Я ей пишу, что ты извелся весь, а она свое: приедет, если вправду любит. А если так, что только белое платье измять, то оно и к лучшему. Вот какая натура!

– Где она теперь?

– Обожди, я письмо найду, мне не выскázat.

«Живем мы хорошо, я недавно повышение получила, теперь помощник прокурора города, а это все-таки столица республики. Я тут снов насмотрелась, и папу, и деревню, и как мы с тем парнем на озере были. Проснулась, вспомнила весь этот август проклятый, и до того мне жалко стало белого мажущего платья, которое ты выбросила на тряпки, что я поехала в мастерскую и заказала точно такое. Закройщица говорит, что сейчас такие не носят, а я ответила, что хочу вспомнить себя шестнадцатилетней. Вот, высылаю фотографию».

Никита в ту ночь тоже видел сны, один сплошной сон танца белого платья под музыку Вити Бодри. Он силился рассмотреть лицо танцующей, но платье удачно прикрывалось рукавом, и ничего он не увидел. Проснулся, когда жена ткнула в плечо:

– Повернись на бок, ты вроде как плачешь.

02.12.11 г.

ДВА ПЛАТОЧКА

Подарила матушка двум своим дочерям по платочку. Сказала:

– Носите, красуйтесь да меня вспоминайте!

Платочки играли небесной голубизной, а их лазурное поле было разрисовано розовыми бусинками и золотыми звездами.

Одна из сестер сразу полюбила матушкин подарок. Накинула на плечи этот платочек и не расставалась с ним всю жизнь. С ним и влюбилась, с ним и замуж пошла, и детей завела. Берег ее от всяких напастей материнский покров.

А вот ее сестрице платок пришелся не по душе. То ли уж очень простым оказался, то ли большего ждала получить из материнских рук. Забросила она его в сундук и крышкой закрыла. Доставала иногда, надевала – проветривала чтобы моль не завелась. И не везло этой сестрице в жизни. Все хотелось чего-то лучшего, только чего – сама не понимала. Смотрела на всех свысока да морщилась. Так и жила одна-одинешенька.

Много лет пролетело. Встретились как-то сестры. Матушку вспомнили. И так уж случилось, что обе платочки свои на плечи накинули.

Платок первой стал бледным, отгорев на солнышке, – ни бусин, ни звездочек на нем не различишь. Выносился весь, просвечивает, словно паутинка. А у второй – совсем, как новый, яркими красками так и играет!

Сидят сестры, друг с другом разговаривают и невдомек им, что и платочки их меж собой тихонько беседуют.

Яркий платочек насмешливо так говорит:

– Что-то, братец, ты совсем постарел. Поинял. Никакого куража в тебе не осталось. А меня хозяйка любит, бережет. В сундуке хранит. Даже крышку его яркими картинками обклеила, чтобы мне не скучно было. Не повезло тебе, дружище...

А в ответ ему старый платочек сказал:

– Ничего-то ты не понял, сидя в своем сундуке! Ведь это меня хозяйка любит. Это со мной она не расставалась всю жизнь. Я помню, как она, прижимая меня к груди, бежала на первое свидание. Стучалось мне беречь ее от палящего зноя и мокнуть вместе с ней под дождем. Приходилось мне намочить и от слез, но это я принимал, как особое доверие. Очень я любил, когда хозяйка повязывала меня на головку своей дочурке, если внезапно подует прохладный ветерок.

Да, я состарился. Поблекли мои розовые бусинки, погасли золотые звезды. Все мое время. Но я прожил жизнь! А ты? Что видел ты из своего сундука, кроме плоских картинок на его крышке?

Альбина Кузьмина

ЖУЛАНЧИК

Утро было ранним, солнечным. Свежей прохладой тянуло от выпавшей росы. Семен взял тятку и направился к картофельной меже. Сильные руки парня умело справлялись с работой, которую еще с вечера определила для сына мать. Семен понимал, что в доме вся надежда на него. Он – главный помощник с тех пор, как отец ушел на фронт. Что толку от этих девчонок? Разве что, в доме приберут, да корову подоят, когда мать в колхозе занята, остальное – всё на нем... «Эх, годков бы мне побольше, – думал иногда паренек, убежал бы на фронт фашистов бить, как отец... Да и где сейчас отец? Давно нет от него писем...», – вздохнул Семён.

Шла война и, кажется, не было ей конца. Мать, Ефросинья Денисьевна, часто прибалывала. Жили впроголодь... К осени – вся надежда на огород. Представляя запах горячей картошки, Семену вдруг захотелось вырыть из гнезда клубень и съесть здесь же, сырым...

«Как только окучу картошку, – размышлял Семен, – сразу на рыбалку. Что удастся добыть – то и на стол, – вот всем радости-то будет. Рыбалка хорошо, а охота – дело другое. К ней готовиться надо. Отнесу деду Ефиму патронов меньшего калибра на замену, да упрошу, чтобы за меня слово об удачной охоте замолвил, он много заклинаний знает. Побуду еще дома завтрашний денек и пойду на две недели в тайгу...»

Семён припомнил, что в последнее время ему везло на охоте, он настрелял много больше белок, чем одноклассник Петя Зольников. Правда, ценный подарок, какой колхоз приготовил охотнику-победителю достался не ему.

«У меня все еще впереди, я постараюсь!» – подумал он.

Тятка тяжело ударила о камень в земле и зазвенела. Семён подхватил его и бросил в дальний угол огорода. Камень ударился об изгородь. С нее взлетела стайка молодых, но уже окрылившись, птенцов. Семён улыбнулся: «Ишь, какие пугливые!» Переключаясь друг с другом, птички полетали и вернулись на место.

Семён работал. Смахивая пот со лба, вдруг, напротив себя, увидел сидящего на ветке рябины одинокого воробья.

«Ты откуда, такой партизан?» – подумал Семён. Ему вдруг почудилось, что он какой-то особенный. Глянул и удивился: у этого воробья – красная грудка!

«Ну, вот, доработался, – подумал Семён, – опять красные круги перед глазами пошли». Еще раз взглянул на картофельную ботву, потом на воробья.

«Не показалось!» Воробей-то действительно был с красной грудкой! В лучах солнца она отливала ярко и празднично!

«Подожди, друг, не улетай, – полупешотом проговорил Семён, завороченно рассматривая птишку. Она сидела не шелохнувшись.

«Да, уж, не ручной ли, ты? Откуда в наших краях? Я тебя никогда не встречал?!»

Так и смотрели друг на друга: воробей на Семёна, а Семён на него. Зоркие воробьиные глазки, словно говорили ему: «Я тебя знаю, ты – Семён, хороший охотник. Разве ты меня не помнишь? Я видел тебя в лесу...»

Затем красногрудый повернул голову из стороны в сторону, выпятил грудку. Как будто выговаривал Семену: «Насмотрелся, пора и честь знать. И, – почистив острым клювом под одним, а затем под другим крылом, – взмахнул крыльями.

В воздухе пронеслось: «Фыть-фыть, фирить!»

Семён прибежал в дом с радостным криком: «Мама, мама! Я такого красивого воробья видел! Он что-то хотел мне сказать!»

«И чего это тебе мог сказать воробей? – спросила большая мать. – Разве среди обыкновенных воробьев бывают такие разговорчивые?»

«Это особенный воробей! Он – красногрудый! Он так смотрел на меня, что мне как-то не по себе стало!»

«А-а, так бы и сказал! – улыбнулась мать, – Жуланчика ты видел. Красногрудого воробья. Это к доброму известию, сынок.

«Жуланчик? Жуланчик! – повторял Семён. – Мама, а я не видел его раньше...»

Ефросинья Денисьевна принялась рассказывать сыну и дочерям, которые прибежали с улицы, что среди обыкновенных серых воробьев живут красногрудые. Они очень редко встречаются с людьми, но кому доведётся увидеть такую птицу, того ожидает счастье...

Он побежал к мальчишкам рассказать об удивительной встрече.

Ему не поверили, что есть такая волшебная птичка и, с тех пор деревенские мальчишки прозвали его самого Жуланчиком.

А счастье в дом все-таки пришло. Может, и правду, его принес Жуланчик: вскоре с войны вернулся отец!

БУРОВАЯ

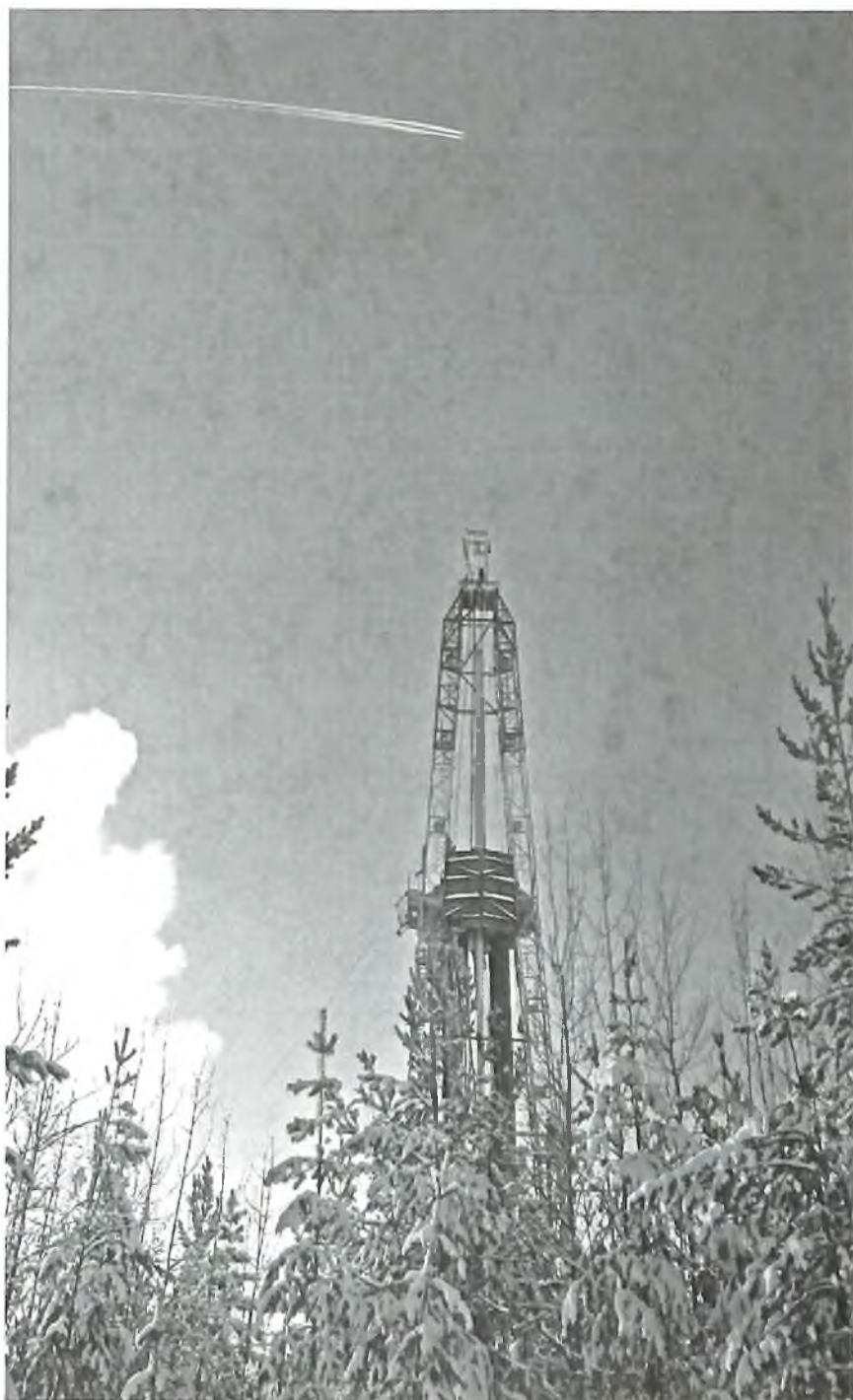
Из поэмы «Снега Самотлора»

НОВАЯ ЦЕНА

50 руб. 00 коп.

В синеву Самотлора
 Внесенная грубо,
 Буровая железный
 Отмерила взгляд,
 Опуская в планету
 Бурильные трубы, –
 В нефтяные глубины,
 Как здесь говорят.
 Буровая урчала,
 Шипела, гремела.
 И канаты, как вены,
 Вдвухались на ней.
 Я впервые глядел на неё,
 Оробелый,
 Чтоб потом рифмовать
 Про железных парней.
 Мне бы тоже зеленую робу
 От ветра
 Да собачью ушанку,
 Пусть стужа прижмет,
 Я б узнал, как в темнице –
 Три тысячи метров,
 Черноокая нефть
 Вызволения ждет.

 Остывали багряно
 Вечерние краски.
 Не принес тишины
 Самотлорский закат.
 И темнели помбуров
 Защитные каски, –
 Боевые, суровые
 Каски солдат.
 Мне казалось:
 И сумерки нефтью набухли,
 И не туча над вышкой, –
 Фонтан нефтяной.
 Слово *мужество* пишется
 С маленькой буквы,
 Я его учредил бы писать
 С ПРОПИСНОЙ.

1974 г.

Дары таежного лета

Фото Павла Плюхина

Издание осуществляется при поддержке Правительства Тюменской области

Тюмень
Литературная

Учредители: Частное учреждение редакция газеты «Тюмень литературная». Газета зарегистрирована Управлением федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тюменской области, ХМАО-ЮГРЕ и ЯНАО.

Рег. св. ПИ № ТУ72-01186

от 10.12.2014 г.

Адрес издателя и редакции:

625051, г. Тюмень,
ул. 30 лет Победы, 96-45.

12+

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:

625051, г. Тюмень,
до востребования Н. В. Денисову

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел.: 6-33-51.

Подписано в печать 15.07.2016. Тираж 250 экз.
Заказ № 410. Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. Н. Пятковой.
Корректор В. П. Бумагина.